

~~2/11/11~~
9630

М. Ш. Ш. *В.*

Приложение IX-X.

„Офицерская Жизнь“.

Сентябрь—Октябрь 1911 г.

Дю-Тейль.

ПРОВЕРЕНО
ПРОВЕРЕНО
03 20 13

Психологія

ПРОВЕРЕНО
2007 год

Командованія.

ПРОВЕРЕНО
1988/89 г.

ПРОВЕРЕНО
1988/89 г.
26г

Переводъ съ французскаго
А. Ч.

ПРОВЕРЕНО
1950 г. № 1

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВОЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА РККА
Площадь Урицкого, 10

ВАРШАВА

Военное Книгоиздательство „ОФИЦЕРСКАЯ ЖИЗНЬ“

1911.

Инв. № 13154

Филиал Библиотеки
Ленинградского Окружного Дома
Офицеров им. С. М. Кирова
Ленинград, Дворцовая площадь

ЧАСТЬ I.

Глава I.

Командованіе и дисциплина.

Опредѣленіе командованія. — Иерархія и субординація. — Дисциплина. — Новые факторы дисциплины: современное комплектованіе, управленіе и тактика арміи. — Военный духъ и демократія.

Что такое „командованіе“.

Командованіе регулируетъ различныя проявленія военной жизни, объединяетъ ихъ и приближаетъ къ цѣли — защитѣ родины; оно имѣетъ источникомъ полномочія, которыя законъ даетъ офицерамъ. Командовать — это добиваться результатовъ естественнаго дѣйствія военнаго организма. Командованіе должно быть дѣйствіемъ методическимъ, выдержаннымъ, неутомимымъ. Нужно, чтобы начальникъ имѣлъ привычку приказывать, имѣлъ твердую увѣренность въ своемъ правѣ приказывать — и гордился этимъ правомъ.

„Военное искусство“, сказалъ Gouviou Saint-Surg, „требуетъ одновременно достоинства и дисциплины“. Слѣдовательно, армія, должна быть школой патриотизма и долга: офицеръ, идущій добровольно и сознательно на служеніе національному долгу т. е. на службу въ арміи, организованной

для борьбы, долженъ со своей стороны, выработать лично чувство этого долга и доказать это на практикѣ, черезъ посредство войскъ ему довѣренныхъ и въ условіяхъ наиболѣе тяжелыхъ.

Іерархія и субординація.

Организація командованія, его дѣйствіе, и слѣдовательно, его власть основаны на іерархіи и субординаціи, главныхъ принципахъ всякой организациі вообще и военной въ частности. Іерархія обезпечиваетъ единство управленія посредствомъ субординаціи, которая является необходимымъ механизмомъ для дѣйствія военного организма.

Субординація есть сотрудничество начальника и подчиненнаго; іерархическая координація обязанности частныхъ, являющихся слѣдствіемъ одной общей обязанности.

Генераль Драгомировъ говоритъ о субординаціи: „Она необходима для того, чтобы мысль высшаго начальника могла проникнуть черезъ весь организмъ войска, которымъ онъ командуетъ, не опуская ни одной его части; съ другой стороны она необходима для того, чтобы впечатлѣнія, полученныя той или другой частью подъ вліяніемъ врага или положенія, поднимались-бы до высшаго начальника, не пропуская передаточныхъ органовъ... Долгъ каждаго военного, это давать сверху внизъ приказанія, снизу вверхъ рапорты, и то и другое при посредствѣ іерархической лѣстницы, высшія и низшія ступени которой непосредственно съ нимъ соприкасаются“. *)

Дисциплина.

Субординація обезпечиваетъ правильное дѣйствіе дисциплины, которая является общимъ правиломъ для всѣхъ начальниковъ и солдатъ и которая опирается на повиновеніе національнымъ

*) Переведено съ французскаго. Авторъ пользуется парижскимъ изданіемъ: „General M. Dragomiroff.-Discipline subordination, marques extérieures de respect“. Прим. ред.

законамъ и на воинскіе уставы. Дисциплина въ арміи — это собраніе моральныхъ, духовныхъ и физическихъ привычекъ, необходимыхъ для того, чтобы офицеры и солдаты всѣхъ степеней іерархіи отвѣчали цѣли своего назначенія.

Добавимъ, что по этимологическому смыслу слова дисциплина (discere — учить, откуда disciple — ученикъ, послѣдователь) идея ея относится главнымъ образомъ къ привычкамъ моральнымъ, къ тому, что въ послѣднее время принято называть воспитаніемъ офицера и солдата. Она основана на знаніи каждымъ отдѣльнымъ лицомъ своихъ обязанностей и на внутренней его готовности ихъ честно выполнить во что бы то ни стало и при всякихъ обстоятельствахъ, слѣдовательно вдали отъ начальника такъ же, какъ и передъ его глазами. И дѣйствительно, не достаточно того, чтобы солдатъ повиновался своему начальнику въ моментъ отданія приказанія. Дисциплина требуетъ постоянного повиновенія всему, что предписываетъ служба.

Слѣдовательно, дисциплина есть учрежденіе общественное и, если соглашаться съ этимъ опредѣленіемъ, то пути къ достиженію ея должны быть чисто моральные и совершенно нѣтъ нужды прибѣгать къ наказаніямъ. Тѣмъ не менѣе, право наказывать необходимо, не столько для того, чтобы имъ пользоваться, какъ для внушенія солдату страха; но такъ какъ этотъ страхъ былъ бы почти фиктивнымъ въ случаѣ войны, необходимо утвердить дисциплину, главнымъ образомъ путемъ развитія чувства преданности и привязанности къ начальникамъ. Поэтому, тѣмъ хуже дисциплина, тѣмъ деспотичнѣе ея формы; и наоборотъ — дисциплина болѣе сознательная приближается къ идеалу, оставаясь въ то же время непоколебимо строгой. Идеаль дисциплины это убѣжденіе, смѣнившее репрессію, которая остается для неисправимыхъ и должна быть тѣмъ болѣе строгой, чѣмъ легче было ея избѣжать.

Но для насъ, офицеровъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы поступаться своими законными требованіями или тѣмъ болѣе содѣйствовать нарушенію принципа власти.

Въ арміи дисциплина безусловно влечетъ за собой ограниченіе свободы, какъ и всякое воспитаніе, и, даже больше, какъ всякая совмѣстная жизнь. Она должна быть тѣмъ строже, чѣмъ различнѣе между собой члены, составляющіе данную общину,—различныя по характеру, по происхожденію, по воспитанію и образованію. Какъ разъ въ такомъ положеніи и находится армія. Въ интересахъ службы необходимо, чтобы дисциплина была не только твердой, но и отеческой; члены военной іерархіи, на какой бы высокой ступени они не находились, должны относиться къ своимъ подчиненнымъ съ добротой, быть для нихъ благосклонными руководителями и имѣть къ нимъ уваженіе какъ къ людямъ, всѣ дѣйствія которыхъ имѣютъ самый благородный двигатель—патріотизмъ.

Министерскій циркуляръ отъ 31-го августа 1905 года, относящійся къ праву наказывать, особенно настаиваетъ на чувствѣ доброжелательности и сердечности, которыми долженъ руководиться каждый начальникъ: „нужно стремиться къ достиженію добровольной дисциплины, основанной на высокихъ чувствахъ преданности родинѣ и на точномъ знаніи обязанностей; къ этому можно притти, правильно развивая нравственное воспитаніе. Во всѣхъ случаяхъ предписывается примѣнять сначала совѣты, потомъ замѣчанія и выговоры, прежде чѣмъ прибѣгать къ самымъ наказаніямъ. Нужно стараться, насколько возможно, отдалить моменты первого взысканія”.

Итакъ, существуетъ новое, современное понятіе о дисциплинѣ (толкованіе дисциплины); нѣкоторые видятъ въ немъ прогрессъ, другіе упадокъ. На самомъ же дѣлѣ это приспособленіе дисциплины къ современнымъ условіямъ набора нашей арміи, ея употребленія и тактики.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ аналогичномъ прецедентѣ въ Россіи, гдѣ по словамъ генерала Драгомирова: „прежде думали, что дисциплина укореняется только жестокими наказаніями, крайне суровымъ обращеніемъ; это объясняется исторически прежде всего состояніемъ цивилизаціи въ эпоху учрежденія въ странѣ регулярной

арміи, а главнымъ образомъ тѣмъ, что сразу было перенесено цѣликомъ тогдашнее нѣмецкое военное законодательство, созданное для наемниковъ, слѣдовательно для неголяевъ. Но послѣ крымской войны и главнымъ образомъ благодаря раскрѣпощенію крестьянъ, а также и введенію нарѣзного оружія, убѣдились, наконецъ, что дисциплина гораздо прочнѣе устанавливается постояннымъ и неустаннымъ требованіемъ исполненія разъ навсегда данныхъ предписаній, суровымъ отношеніемъ къ воинскимъ уставамъ, заботами о солдатѣ, справедливостью, прямою и честностью въ своихъ отношеніяхъ къ нему, такъ какъ дисциплина—это палка о двухъ концахъ: если она даетъ начальнику право, она въ то же время налагаетъ на него обязанности. *)

Новые факторы дисциплины.

А. Комплектованіе арміи.

Первымъ послѣ 1870 года факторомъ, наибольшѣ повліявшимъ на военную дисциплину во Франціи, является настоящая система комплектованія арміи, которая вмѣстѣ съ законами 1872, 1889 и 1902 г. г. объединила и реализировала три принципа—обязательной, личной и равной для всѣхъ воинской повинности: такимъ образомъ, возникла „армія гражданъ“, о которой лейтенантъ de Guibert говорилъ уже въ своемъ „Essai general de tactique“, вооруженная нація, какъ говорятъ теперь, которая естественно потребовала „національной дисциплины“.

Во времена наемныхъ войскъ или регулярныхъ армій, которыя могли притти на усиленіе провинціальныхъ, гражданскихъ или городскихъ милицій, великій полководецъ и великій мыслитель смѣло намѣтилъ цѣль, къ которой уже съ тѣхъ поръ стремились и чего достигли только полтора вѣка спустя.

*) Переводъ съ французскаго изданія. Прим. ред.

„Не лучше ли было бы“, говорил маршалъ de Saxe, „установить законъ, по которому каждый человѣкъ былъ бы обязанъ служить своей родинѣ въ теченіе пяти лѣтъ? Невозможно быть противъ такого закона, потому что ничего нѣтъ естественнѣе и справедливѣе, чтобы граждане служили для защиты государства. Если ихъ выбирать въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ, то это не принесетъ большого ущерба.

Это годы вольной юности, когда молодежь отправляется искать счастья, блуждаетъ изъ страны въ страну и потому не служитъ большой поддержкой для родныхъ. Это не было бы ущербомъ для населения, потому что каждый зналъ бы, что спустя положенные пять лѣтъ онъ будетъ отпущенъ на свободу. Такая система создала бы неисчерпаемый источникъ прекрасныхъ рекрутовъ, не склонныхъ къ дезертированію. Со временемъ выполненіе этой задачи считалось бы почетнымъ долгомъ. Но, чтобы этого достигнуть, нужно не дѣлать никакихъ исключеній, особенно строго относиться къ тому, чтобы принимали участіе всѣ сословія и такъ же особенно строго слѣдить за исполненіемъ этого закона богатыми: бѣдный утѣшался бы примѣромъ богатаго. Война—ремесло почетное“.

Это правило данное маршаломъ de Saxe въ 1757 году, мимолетно появилось въ VII году при Jourdan'ѣ и окончательно примѣнено только во французскомъ законѣ 1902 года. Благодаря такому могущественнымъ вспомогательнымъ силамъ, какъ резервъ дѣйствующей арміи и территориальной арміи, явилась возможность сократить время службы до двухъ лѣтъ — минимумъ для образования солдата, установленный еще Фридрихомъ Великимъ.

Законъ, опирающийся на принципы обязательной, личной и равной воинской повинности былъ естественнымъ послѣдствіемъ демократической эволюціи нашихъ политическихъ учрежденій. Войска сливаются съ общимъ движеніемъ націи, къ которой принадлежатъ: какъ и гражданскія общества, они слѣдуютъ за движеніемъ, которое увлекаетъ человѣчество. Если они

и кажутся, благодаря строгой дисциплинѣ и твердо установленной іерархіи, отдѣльными корпораціями, то это только съ внѣшней стороны; внутренне же они стремятся слиться со своей націей, со средой, въ которой живутъ.

Еще въ 1835 г. великій философъ Токвиль, изучая роль арміи въ демократическомъ государствѣ, въ своемъ обширномъ трудѣ о демократіи въ Америкѣ, прежде всего доказываетъ необходимость вооруженной силы для всѣхъ народовъ, каково бы ни было ихъ управленіе. Затѣмъ, упомянувъ о разрозненности, которая образовалась бы между наемной арміей и мирной демократіей, говоритъ слѣдующее: „демократическіе народы скоро будутъ принуждены отказаться отъ добровольной рекрутчины и прибѣгнуть къ обязательному призыву. Если воинская повинность обязательна, ея время распределяется незамѣтно и равномерно на всѣхъ гражданъ. Результатомъ этого является, что каждый изъ нихъ проводитъ подъ знаменами только незначительное число лѣтъ.

Эти истины начинаютъ сознавать въ Англии, гдѣ теперь заняты вопросомъ объ учрежденіи всеобщей обязательной воинской повинности: „въ истинно демократической странѣ долгъ каждаго принимать участіе въ защитѣ“.

Само собой разумѣется, что граждане, призванные въ національную армію для исполненія воинскаго долга, должны пользоваться большими попеченіями и заботами, чѣмъ наемники, замѣстители, привлекаемые легкою добычею въ старинныя наемныя войска или въ смѣшанныя войска 1818 г. По закону 1824 г. съ ними должно обращаться бережнѣе, чѣмъ даже съ добровольцами временъ революціи и Первой Имперіи. Эти тонкія различія были отлично схвачены Токвилемъ, который прибавляетъ:

„Существуетъ очень распространенное мнѣніе, въ особенности среди аристократическихъ народовъ, что то большое социальное равенство, которое царитъ въ самомъ основаніи демократіи, постепенно дѣлаетъ солдата независимымъ отъ офицера и такимъ образомъ разрушаетъ узы

дисциплины; это мнѣніе ошибочно, потому что есть два рода дисциплины, которые ни въ какомъ случаѣ нельзя смѣшивать. Нужно чтобы демократическіе народы разъ навсегда отказались отъ мысли добиться отъ своихъ солдатъ той слѣпой, мелочной безропотности, всегда одинаковой преданности, которую имъ такъ легко внушаютъ аристократическіе народы. Состояніе общества совершенно ихъ къ этому не подготовляетъ; они бы рисковали потерять свои природныя качества, стараясь приобрѣсти искусственныя. Въ странѣ демократической военная дисциплина не должна стремиться къ уничтоженію свободнаго полета души; она можетъ только надѣяться на то, чтобы ею руководить; повиновеніе, которое она создаетъ при такихъ условіяхъ будетъ, быть можетъ, менѣе точно, но за то болѣе искренно и разумно.

Оно заключается въ самой волѣ повинующагося и основывается не только на его инстинктѣ, но и на разумѣ. Поэтому оно и возрастаетъ вмѣстѣ съ опасностью”.

Военачальники прежняго времени, наоборотъ, жаловались на ослабленіе дисциплины въ наемныхъ войскахъ въ военное время. Понятно, что чувство долга, основанное почти исключительно на страхѣ наказанія, заслонялось инстинктомъ самосохраненія, пробужденнымъ опасностями сраженій.

Такъ какъ дисциплина, по маршалу de Saxe, есть „душа” всякаго военнаго строя и такъ какъ теперешній военный строй сильно отличается отъ прежняго, то желаніе ввести въ національную армію прежнюю дисциплину, годную для наемныхъ войскъ, было бы опаснымъ и химерическимъ анахронизмомъ.

Б. Управление въ арміи.

Почти параллельно съ измѣненіемъ системы командованія измѣнилось и управление во французской арміи. Еще до войны часто слышались жалобы на свойственную французскому характеру манію, командуя превышать власть по отношенію къ млад-

шему начальнику. „Такимъ образомъ, въ представленіи солдатъ нарушается авторитетъ младшаго начальника“, говоритъ полковникъ Argant du Picq. „а это вещь серьезная, такъ какъ только непоколебимый авторитетъ и престижъ второстепенныхъ начальниковъ создаютъ дисциплину“.

Послѣдствіемъ этого явилась крайняя централизация власти, невыгоды и опасность которой ясно сказались въ войну 1870 года. Генераль фонъ-деръ-Гольцъ объяснилъ, что отсутствіе связи во многихъ операціяхъ французской арміи въ 1870 г. находитъ вполне удовлетворительное объясненіе въ недостаткѣ власти и правъ, второстепенныхъ начальниковъ.

Эти права заключаютъ въ себѣ непоколебимую силу. Ясно, что работа такой сложной машины, какъ армія, идетъ гораздо быстрѣе и продуктивнѣе въ томъ случаѣ, когда каждая отдѣльная часть ея имѣетъ самостоятельную и независимую дѣятельность, чѣмъ если-бы каждый разъ ожидать приказанія свыше; если въ арміи царитъ обыкновеніе дѣлать только то, что приказано, ея дѣйствія будутъ отрывистыми: происходятъ остановки и перерывы, всякій разъ при непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, потому что дѣйствующія лица ожидаютъ приказаній свыше.

Вотъ почему послѣ 1872 года въ предписаніи на случай войны, данномъ многочисленнымъ запаснымъ и территоріальнымъ войскамъ, проявляется новое вѣяніе—децентрализація, которое называютъ индивидуализмомъ или партикуляризмомъ, и которое, на мой взглядъ, правильнѣе всего было бы назвать правомъ на инициативу, потому что при исполненіи приказаній оно допускаетъ проявленіе личности того, кто повинуется.

Инициатива: это свобода въ формѣ повиновенія, я говорю только въ формѣ, такъ какъ по существу своему свобода незамѣтно привела бы къ разсѣянію самаго приказанія, что было бы уже не свободой, а независимостью, которая быстро выродилась бы въ анархію.

Первые симптомы этого движенія появляются съ 1876 г. въ приказѣ по кавалеріи, а въ 1887

было предписано и артиллеріи послѣ того, какъ генераль Мирбель, будучи инспекторомъ ея, выказалъ себя апостоломъ этихъ идей. Послѣдней присоединилась въ 1889 году пѣхота. Она скоро опередила другихъ въ этомъ отношеніи, потому что ея уставъ 1902 г. уже не робкій опытъ, а настойчивое, рѣшительное и окончательное примѣненіе новой системы.

Если сравнивать эти двѣ школы, то видно, что централизація состоитъ въ чрезвычайномъ формализмѣ и полнѣйшей нивеллировкѣ процесса исполненія; всякое проявленіе власти или умственной работы немедленно конфискуется центральной властью и ея непосредственными органами.

Подчиненнымъ властямъ и исполнителямъ остается только передавать или выполнять буквально полученныя приказанія, слѣдствіемъ чего у нихъ является инертность мышленія и даже энергій, потому что всякая инициатива имъ воспрещена.

Хотя эта школа служитъ гарантіей удовлетворительнаго исполненія задачи, даже самой трудной, при наличности посредственнаго персонала, но, съ другой стороны, она часто приводитъ къ смѣшенію средства и цѣли вслѣдствіе неопытности и неспособности подчиненныхъ. А, такъ какъ правила и приказы далеко не могутъ всего предусмотрѣть, то безчисленныя случайности не имѣютъ соотвѣтствующихъ указаній.

При правѣ на инициативу наоборотъ: высшія власти, на какой бы ступени іерархической лѣстницы онѣ не находились, имѣя полное довѣріе къ низшимъ, только въ общихъ чертахъ намѣчаютъ роль, которую должны играть въ общемъ дѣлѣ ихъ непосредственные подчиненные, оставляя имъ полную свободу въ заботахъ о выборѣ средствъ къ ея достиженію.

Эта школа имѣетъ то неудобство, что она предполагаетъ болѣе или менѣе избранный составъ начальниковъ, она вызываетъ необходимость слѣдить за тѣмъ, чтобы каждый имѣлъ дѣло соотвѣтственно своимъ физическимъ, интеллектуальнымъ и нравственнымъ способностямъ, други-

ми словами, чтобы каждый былъ на своемъ мѣстѣ. Но, въ то же время, она облегчаетъ задачу, такъ какъ командованіе какой бы то ни было тактической единицей требуетъ тѣхъ же качествъ, какъ и высшее командованіе, правда, въ пропорціо-нально уменьшенной степени.

Слѣдовательно, инициатива способствуетъ прогрессивному развитію профессиональныхъ качествъ всѣхъ начальниковъ. Минимумъ требуемыхъ формальностей позволяетъ каждому изыскивать наиболѣе подходящія средства для достиженія данной цѣли.

Такимъ образомъ, получится, конечно, отсутствие единообразія въ выборѣ средствъ, смотря по темпераменту каждаго, но это иногда очень полезно, такъ какъ можетъ сбить съ толку противника неожиданностью дѣйствій.

Эволюція въ сторону инициативы или партикуляризма совершилась тѣмъ болѣе быстро, что она соотвѣтствуетъ общему духу политическихъ учреждений Франціи.

„Вотъ уже 25 лѣтъ“, пишетъ генераль Бонналь, „какъ французская армія пользуется самой широкой автономіей и кажется большой сплоченной семьей, гдѣ начальникъ—отецъ и командиръ“.

Это же генераль фонъ-деръ-Гольцъ замѣтилъ въ германской арміи и выразилъ слѣдующимъ образомъ: „поручая офицерамъ, помимо ихъ командованія, еще какое либо дѣло по хозяйственной части, руководились вовсе не экономіей, но сдѣлали это въ цѣляхъ сближенія высшихъ съ низшими и увеличенія ихъ взаимнаго вліянія. Работа въ швальнѣ, въ кухнѣ, въ погребахъ, дѣлаетъ то, что начальникъ — столпъ и стѣна дисциплины—дѣлается отцомъ своихъ подчиненныхъ“.

В. Тактика въ арміи.

Наконецъ новая тактика, подготовленная дальностью полета снаряда и точностью огнестрѣльнаго оружія, развитая примѣненіемъ скорострѣльныхъ ружей, утвержденная, наконецъ, появленіемъ 75-мм. пушекъ, стала всеобщимъ достояніемъ и восторжествовала надъ послѣдними

Обязанность повиноваться и обязанность командовать два взаимные акта, одинаково необходимые для отправления военного организма. Строгое применение и соблюдение закона есть база дисциплины. Углубляя эту идею, приходимъ къ заключенію, что и высшіе и низшіе одинаково должны повиноваться. Примѣръ вызываетъ дѣйствіе гораздо болѣе сильное, чѣмъ писанный законъ и слова. Солдатъ повинуется, слѣдуя примѣру своихъ начальниковъ.

„Повинованіе, какъ таковое, тяготитъ насъ, оно не въ нашемъ характерѣ, особенно въ наше время; критика вредитъ дисциплинѣ; изученіе правъ часто заставляетъ забывать изученіе обязанностей“. Начальникъ долженъ обращаться къ разсудку солдата, долженъ дать ему возможность понять необходимость своихъ требованій, обращаясь къ его добрымъ чувствамъ. Дисциплина должна вызывать согласіе между людьми, изъ которыхъ одни поняли, цѣль своей власти, другіе причину своего повиновенія. Это послѣднее не должно быть ни безучастнымъ, ни рабскимъ: сознание дѣлаетъ его болѣе высокимъ. Повинованіе ничто другое, какъ проявленіе уваженія и довѣрія къ начальникамъ. Это то, что Albert Sorel отлично выразилъ аксіомой: „повиноваться, это не значитъ уничтожить свою волю, это значить ее подчинить“.

Раньше требовали отъ войска повиновенія, которое неточно называли пассивнымъ, потому что это прилагательное, въ данномъ случаѣ является нелѣпностью, такъ какъ всякое повинованіе предполагаетъ дѣйствіе и слѣдовательно, говоря точно, не можетъ быть пассивнымъ. Этимъ хотѣли указать на повинованіе, которое выражается въ дѣятельности физической при психической пассивности, аналогичное повиновенію раба. Не слѣдуетъ думать, что это рабское повинованіе никогда не проявлялось иначе какъ только въ формѣ физической и животной, потому что, въ безвыходныхъ или просто трудныхъ условіяхъ, подчиненный могъ быть вынужденнымъ призвать свои нравственныя силы на помощь своимъ ослабѣвающимъ физическимъ силамъ, для того, чтобы

выполнить задачу до конца; но это только какъ почетное исключеніе.

Пассивному или скорѣе рабскому повиновенію прошлаго должно быть противопоставлено повинованіе нашихъ дней—добровольное или свободное; иначе говоря, повинованіе лежитъ въ основѣ, но выражается въ свободной формѣ или выборѣ средствъ, и не только требуетъ отъ подчиненнаго содѣйствія физическаго, но и психологическаго сотрудничества. Такое повинованіе должно постоянно поддерживать на чеку духъ подчиненнаго и заинтересовывать его въ исполненіи долга, дѣлая его способнымъ къ выбору средствъ при частныхъ тактическихъ условіяхъ, которыхъ высшій авторитетъ не могъ предвидѣть. Однимъ словомъ, оно призываетъ сильную волю обезпечить исполненіе приказанія путемъ его наиболѣе разумнаго, наиболѣе полезнаго и наиболѣе военнаго толкованія.

Есть, наконецъ, выполненіе автоматическое, механическое, которое принуждены требовать при маневрахъ сомкнутыми рядами, при ружейныхъ приѣмахъ, а также при нѣкоторыхъ операціяхъ артиллеріи, которая требуютъ математической точности.

Нужно точность считать какъ способъ обученія для того, чтобы она иногда была полезна „на полѣ сраженія для управленія автоматически людьми, воля которыхъ разстроена усталостью, сраданіями, страхомъ, нервною“. Другое повинованіе, которое только что разсмотрѣли, будетъ повиновеніемъ обдуманномъ или скорѣе непринужденнымъ. Добровольное повинованіе должно имѣть необходимыми дополненіемъ духъ инициативы, который долженъ быть разумнымъ, дисциплинированнымъ, преданнымъ, осуществляя дѣятельность мысли и свободу дѣйствія въ повиновеніи. Это то, что генераль Foch резюмировалъ слѣдующими словами въ своей лекціи о „принципахъ войны“.

„Военный разумъ, разумѣется тотъ, который обращается къ характеру и также, какъ то показываетъ самое слово, къ разсудку; онъ содержитъ слѣдовательно, актъ мысли и размышленія и от-

Психол. команд.

Центральная Библиотека
Ленинградского Окружного Дома
Офицеров (М. Нирова)
Ленинград, Новая площадь

Инв. № 13154

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВОЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА РККА
Площадь Урицкого, 10

вергаетъ неподвижность ума или отсутствіе мысли. Подчиненный начальникъ долженъ, съ тѣми средствами, которыми онъ располагаетъ, выполнить мысль своего высшаго начальника, для этого прежде всего ее понять и затѣмъ изъ своихъ средствъ сдѣлать употребленіе, наиболѣе отвѣчающее даннымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ единственный судья“. „Инициатива“, говоритъ фонъ деръ-Гольцъ, „есть разумное рѣшеніе, которое низшій беретъ у своего личнаго авторитета и которое способствуетъ выполнению цѣли, преслѣдуемой начальниками“.

Духъ инициативы побуждаетъ къ дѣйствию, не ожидая приказаній. Это онъ создаетъ сильныя арміи.

Справедливо установить этотъ принципъ у насъ и его держаться такъ, чтобы ни одинъ офицеръ, который не дѣлаетъ того или другого, не могъ ссылаться, какъ на извиняющее обстоятельство, на то, что не получилъ приказа. Пассивное повиновеніе насъ не удовлетворяетъ, намъ недостаточно, что дѣлаютъ только то, что было приказано, тогда какъ условія позволяютъ выйти за предѣлы приказанія. Нужно, чтобы высшее управленіе относилось съ великодушнымъ терпѣніемъ къ независимымъ актамъ подчиненныхъ. Но тотъ, кто разрѣшаетъ свободу, независимость дѣйствія, не долженъ выступать въ защиту временнаго каприза. Произволъ всегда рождается отъ эгоизма, а не отъ общаго интереса; независимость опирается на то, что она стремится или хочетъ стремиться къ реализаціи высшихъ цѣлей. Тамъ, гдѣ этотъ мотивъ не играетъ роли, тамъ, гдѣ дѣйствуютъ по своей волѣ только изъ за удовольствія это дѣлать—независимость переходитъ въ произволъ.

Ошибочно думаютъ, что въ моментъ опасности качества нашего національнаго духа организуются сразу и что появятся со всѣхъ сторонъ рѣшенія, удачныя и смѣлыя. Нельзя рассчитывать на способности, на органъ инициативы, если привычка и употребленіе этой инициативы не создали, понемногу, въ обыкновенное время, остраго чувства отвѣтственности. Офицеры долж-

ны быть готовыми проявить инициативу въ своей области и для этого нужно ихъ приучить переносить тяжесть отвѣтственности, которая ихъ обременяетъ. Для солдатъ должно пользоваться каждамы случаемъ для развитія ихъ сужденія и ихъ инициативы, приучая выбирать средства, которыя лучше всего отвѣчаютъ условіямъ боя.

Для того, чтобы побѣдить ихъ нерѣшительность, нужно хорошенько дать имъ понять ту идею, что: „только одно бездѣйствіе непростительно“.

Военный духъ и демократія.

Чтобы дать жизнь и сохранить здоровыми различные органы арміи, соединенные между собой іерархіей, подчиненіемъ и дисциплиной, необходимо у всѣхъ солдатъ вызвать и развитъ военный духъ, который не является внезапно. Хотя солдаты и подчиняются всѣмъ требованіямъ службы, но можно опасаться чтобы они не остались привязанными къ интересамъ и желаніямъ, наполнявшимъ ихъ частную жизнь. И дѣйствительно, они приходятъ въ казармы съ духомъ своей страны, и ихъ пребываніе въ полку слишкомъ кратковременно, чтобы профессионалы т. е. постоянные кадры могли ихъ измѣнить.

„У насъ“, говоритъ еще полковникъ Ебепег, „гражданинъ, ставъ или снова возвращаясь въ солдаты, не перестаетъ быть человѣкомъ свободнымъ и гордымъ. Если онъ соглашается подчиняться всѣмъ правиламъ дисциплины, то это только потому, что онъ знаетъ, что принципъ іерархіи есть обязательное слѣдствіе принципа равенства. И наконецъ, что онъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что безъ дисциплины, какъ и безъ организации—невозможно существованіе арміи. Его повиновеніе будетъ тѣмъ болѣе полнымъ, что оно будетъ свободнымъ. За то къ нему будутъ относиться не какъ къ существу низшей касты, а какъ къ товарищу въ бою, какъ къ брату по оружію“.

Чтобы противодѣйствовать антимилиитаризму, предтечѣ антипатріотизма, который представля-

еть армию, какъ учрежденіе аристократическое, положительно необходимо внушить народнымъ массамъ, что военное могущество Франціи опирается теперь на два принципа — личности и равенства. И нѣтъ въ нашей странѣ ей подобнаго учрежденія, которое можетъ съ нимъ сравниться съ демократической точки зрѣнія, за исключеніемъ развѣ всеобщаго голосованія; и всетаки это право, которымъ можно и не воспользоваться, тогда какъ обязательная служба есть долгъ неизбѣжный. Съ полнымъ правомъ Emil Faguet могъ писать „что армія есть блестящее и благородное выраженіе самой демократіи“.

„То что я называю добродѣтелью въ республикѣ“ писалъ Montesquieu. „это любовь къ отечеству. Это не есть добродѣтель моральная, христіанская, но добродѣтель политическая и это есть пружина, двигающая республиканское правительство. Любовь демократіи—любовь къ равенству. Честолюбіе заключается въ единственномъ желаніи, въ счастья оказывать отечеству болѣе услугъ, чѣмъ другіе граждане. Они не могутъ оказать ему равные услуги, но оказать ихъ должны всѣ равно. Отличіе рождается изъ принципа равенства, даже тогда, когда это равенство кажется нарушеннымъ удачными услугами или высокими талантами“.

„Принципъ демократіи нарушается“, утверждаетъ дальше тотъ же авторъ, „не только когда теряется духъ равенства, но еще тогда, когда берется крайнее понятіе равенства и каждый хочетъ быть равнымъ тѣмъ, кто выбранъ имъ командовать. Такъ же, какъ небо далеко отъ земли, настолько понятіе духа равенства далеко отъ его крайняго понятія.“

Первый не претендуетъ устроить нѣчто, гдѣ всѣ командуютъ и никто не подчиняется; но требуетъ, чтобы повиновались и командовали равные“.

Это стало быть любовь къ отечеству, желаніе заставить уважать наши политическія свободы, такъ же хорошо, какъ нашу національную землю, которая должна вдохновить армию. Развѣ раньше 1870 года полковникъ Ardant du Picq не

желалъ: „чтобы, когда патріотизмъ въ опасности, чувство естественной защиты личности поднимало военный духъ и въ націи и въ арміи“.

Тѣмъ, кто не соглашается съ этими общими идеями, (нужно надѣяться что ихъ немного), слѣдуетъ комментировать размышленія Tocqueville: „Какъ бы ни было сильно желаніе мира демократической націей, нужно чтобъ она была готова отразить войну, другими словами, чтобы она имѣла армию“ потому, что война есть случайность, которой подвержены всѣ народы.

Глава II.

Воля и внушеніе.

Воля. Патріотическій долгъ. Воспитаніе чувствъ. Характеръ. Роль размышленія и рѣшительности. Привычки. Дѣйствія. Передача воли. Внушеніе, свободное отъ гипноза. Способность къ внушенію и доверчивость. Доверіе и примѣръ. Сознательная власть и подсознаніе.

Воля.

Военное воспитаніе должно быть прежде всего подготовкой начальниковъ и солдатъ къ выполненію патріотическаго долга — національной войнѣ. Такъ какъ всякая война состоитъ въ борьбѣ двухъ соперническихъ и враждебныхъ волевыхъ началъ, поддерживаемыхъ іерархически подчиненными волевыми импульсами: приказаніе, во всѣхъ инстанціяхъ является для того чтобы внушать, организовать, направлять къ общей цѣли, опредѣляющейся единымъ направленіемъ; связь, сліяніе и настойчивость общихъ усилій. Каждый долженъ имѣть волю выполнять свой долгъ и энергію отдать ему всецѣло; въ самомъ дѣлѣ, численныя силы арміи увеличиваются пропорціонально моральной цѣнности подчиненныхъ волевыхъ началъ.

Фонъ-деръ-Гольцъ говоритъ:

„Для того чтобы главенствовать, воля прежде всего необходимое качество. Можно замѣтить уже въ дѣтскихъ играхъ, что главаремъ является тотъ, кто лучше другихъ умѣетъ выражать свою волю. Одинъ ему подчиняется изъ за удобства, другіе потому, что у нихъ нѣтъ увѣренности въ самихъ себѣ. И то же самое повторяется въ жизни.

Воля, ясно выраженная, рѣдко верѣчаетъ противорѣчіе. Воля импонируетъ, и толпа хочетъ, чтобы ей импонировали, а она бы повиновалась. Это даетъ ей чувство безопасности, и это чувство повышаетъ ея мужество и заставляетъ ее дать все, что она можетъ. Необходимо, чтобы и главнокомандующій, какъ и войско—имѣли твердое желаніе побѣдить. Войско, которое не хочетъ пок нуть поля сраженія, въ концѣ концовъ считается побѣдителемъ, если бы даже оно потерпѣло самыя значительныя потери. И именно благодаря этому твердому желанію остаться побѣдителемъ, лучше всего передается духъ, который ободряетъ армію. Добавимъ въ заключение: „воля необходимое условіе власти; благодаря ей человекъ командуетъ, заставляетъ повиноваться и даже повинуется самъ.”

Мы видѣли что дисциплина заключается въ содѣйствіи всѣхъ волѣвыхъ единицъ и что повинование должно быть добровольнымъ:

„Дисциплина, разбивающая индивидуальную волю, говорилъ эрцгерцогъ Jean Salvator на лекціи въ Вѣнѣ, не дисциплина; потому что дисциплина есть ничто иное, какъ добровольное и сознательное отреченіе отъ собственной воли. Именно воля и есть самое главное и нужно чтобы дисциплина культивировалась не только для того, чтобы сломить волю инертную и сопротивляющуюся, но чтобы возбуждать волю положительную и активную.

Воля — источникъ командованія, принципъ дисциплины, органъ повиновенія, есть такимъ образомъ пружина, пускающая въ ходъ весь механизмъ арміи: ея воспитаніе служитъ базой всего военнаго воспитанія. Дѣло еще не легкое, потому что уровень воли очень низокъ въ насто-

ящее время. Франція страдаетъ болѣзью или скорѣе всеобщей атрофіей воли, которая, по большей части, есть послѣдствіе пагубнаго метода воспитанія, обращающаго большее вниманіе на память ученика, развивая ее до ненормальнаго, въ то же время у большинства мышленіе остается въ зачаточномъ состояніи. Если въ послѣдствіи они находятся передъ затрудненіемъ, требующимъ рѣшенія, то вмѣсто того, чтобы искать выхода своимъ умомъ, они адресуются къ памяти и къ примѣрамъ, закрѣпленнымъ ею и отвѣчающимъ приблизительно данному случаю. Такъ готовятъ дѣтей, молодыхъ людей не для жизни, а для экзаменовъ, триумфа руководствъ, конкурса, болѣе или менѣе замаскированнаго зубренія. Съ нѣкотораго времени уже протестуютъ противъ этого общаго направленія, но съ недостаточной энергіей. Мнемоническій методъ обученія настолько приятенъ учителю, что онъ оставляетъ его съ большимъ трудомъ и охотно къ нему возвращается. Въ арміи унтеръ офицеръ по примѣру учителя, легко впадаетъ въ мнемоническую рутину, которая значительно облегчаетъ его задачу. Упражненіе памяти есть только вспомогательное средство воспитанія и въ частности воспитанія военнаго, но не цѣль его.

Развѣ это не было идеаломъ военной дѣятельности въ долгіе періоды европейскаго мира? Не вложилъ ли въ уста герцога Montemeugan'a слѣдующее странное признаніе: „Конечно, да! Я люблю свое ремесло и сожалѣю только объ одномъ, что не отдался ему раньше. Нѣтъ ничего вплоть до дисциплины, что бы не имѣло своей прелести: это очень здорово, это даетъ спокойствіе духа, видѣть свою жизнь заранѣе регулированной, безъ предварительныхъ споровъ и стало быть безъ колебаній и сожалѣній: отсюда приходятъ беззаботность и веселость. Знаешь, что должны дѣлать и довольны”.

Такимъ образомъ, и чиновникъ, и солдатъ, по словамъ маркиза de Presles, довольствуются очень немногимъ.

Неужели же такъ трудно „хотѣть”?

Философы различаютъ въ насъ два рода желаній: одинъ, въ которомъ преобладаетъ удовольствіе, другой, явившійся слѣдствіемъ разума; эти послѣднія они называютъ разумными, высшими, и это мы называемъ въ настоящемъ смыслѣ „воля”. Первое проявляется въ дѣйствіяхъ необдуманнхъ или совершается подъ вліяніемъ момента, которое юристы называютъ страстью. Проявленія второго — дѣйствія обдуманнаго или намѣреніе рѣшенное; онѣ чисто волевыя; страсть доминируетъ въ однихъ, разумъ въ другихъ. Для того, чтобы воля преобладала надъ удовольствіемъ, нужно чтобы чувства были дисциплинированы разумомъ, и въ утвержденіи и прогрессѣ этой дисциплины заключается воспитаніе воли, посредствомъ образованія характера.

Патріотическій долгъ.

Первое условіе умѣнія владѣть собой — это умѣніе ориентироваться: „Нѣтъ чувства, которое при рѣшительномъ выборѣ, не сумѣло бы путемъ разумнаго приложенія нашихъ психическихъ способностей, — направить цѣлую жизнь”.

Но воля есть сила, основанная на чувствѣ, и всякая идея чтобы подѣйствовать на нее, должна окрашиваться страстью: необходимо чтобы спокойный энтузіазмъ оживлялъ волю. Вотъ, почему, выполненіе военнаго долга, главнаго двигателя карьеры офицера, должно быть проникнуто любовью къ отечеству.

По словамъ капитана Simon'a, офицеръ долженъ себѣ выработать „военное credo”, въ которомъ къ идеѣ отечества должны прибавляться знанія: національной защиты, іерархіи и субординаціи, повиновенія и инициативы, дѣятельности и добросовѣстности въ исполненіи, солидарность и взаимная привязанность, храбрость, знаніе гигиены, — касающейся даже животныхъ, однимъ словомъ, знаніе всего военнаго образованія.

Воспитаніе чувствъ.

Намѣтивъ цѣль мы не достигаемъ ея сразу, мы проходимъ къ ней только, когда имѣемъ волю

выполнить средства. Сила идеи почти всегда зависитъ отъ ея соединенія съ природными силами. Чтобы сдѣлать идею доминирующей, нужно найти для нея опору въ существующихъ уже чувствахъ; это дѣло тактики, времени и настойчивости.

Вообще эта ассоціація происходитъ среди громаднаго числа природныхъ качествъ; есть между ними такія, которыя могутъ не существовать въ нашемъ сознаніи иначе, какъ только въ зачаточномъ состояніи; важно укрѣпить эти качества до сихъ поръ робкія, стѣсненныя болѣе сильными сосѣдями. Для того, чтобы завершить дѣло полезно соединить въ одно солидное и сильное цѣлое всѣ качества, необходимыя для поддержки воли.

Въ осуществленіи такого соединенія мы находимъ наше освобожденіе, составляющее силу характера; гармонія же зависитъ именно отъ группировки и равновѣсія чувствъ. Съ другой стороны, необходимо уничтожить или по крайней мѣрѣ сдерживать враждебныя чувства, обуздывая ихъ внѣшнія проявленія, стараясь схоронить ихъ въ себѣ, дискредитируя ихъ потерей вызванныхъ ими иллюзій, избѣгая случайностей благопріятствующихъ ихъ развитію и борясь съ ними путемъ развитія противоположныхъ имъ чувствъ. Чувства, которыя должны поддерживать цѣльность понятій, составляющихъ „военное credo” заключаются, по словамъ капитана Simon'a, въ чести и долгѣ съ ихъ санкціями — надеждой и страхомъ.

Надежда на славу отечества, на его военное могущество, его экономическое процвѣтаніе, на репутацію арміи и единицъ ее составляющихъ до солдата включительно, на моральное и физическое преимуущество военнаго воспитанія; страхъ за разныя бѣды: пораженіе, дробленіе нации со всѣми ея послѣдствіями, униженіе арміи и всѣхъ, кто ее составляетъ, личныя бѣдствія, какъ результатъ незнанія военнаго регламента и принциповъ гигиены. Ко всему этому нужно добавить уваженіе, довѣріе, любовь, которую каждый долженъ чувствовать къ своимъ начальникамъ, распространять на всѣхъ товарищей — все это укрѣпляетъ

мужество отдѣльныхъ лицъ. Силу, которая есть результатъ выбора, развитія и ассоціаціи чувствъ, мы можемъ увеличить вдвое, помѣщая себя въ среду, подходящую къ нашему характеру и выбирая наши отношенія, нашихъ товарищей, литературу. Все это легко осуществимо въ жизни офицера.

Характеръ.

Характеръ или, употребляя выраженіе болѣе общее, личность, я, есть то, что присуще индивиду въ смыслѣ психологическомъ и что отличаетъ его отъ другихъ индивидовъ его рода. Это продуктъ въ высшей степени сложный, образующійся подъ вліяніемъ наслѣдственности, условій психологическихъ до и послѣ рожденія, воспитанія и опыта. Если его нѣтъ, человекъ не имѣетъ воли. Это коренное качество, смотря по душевному складу личности, бываетъ твердымъ и мягкимъ, постояннымъ и измѣнчивымъ, энергичнымъ и слабымъ; въ зависимости отъ этого различаютъ три главные типы воли: сильная, слабая и колеблющаяся — со всѣми степенями и оттѣнками ихъ.

Нужно также изучать роль осторожности, вліяющую въ значительной степени на характеръ.

Если его отсутствіе или недостатокъ поражаетъ увлеченіе или опрометчивость, то его развитіе и перевѣсъ могутъ привести отъ осторожности къ нерѣшительности, вызывая собой бездѣтельность и инертность, послѣдняя одинаково печальна для нормального и полезнаго хода военныхъ операцій. Что касается наслѣдственности, то всецѣло воспитаніе, умудренное опытомъ, предупреждаетъ насъ объ опасности непродуманныхъ дѣйствій.

И чтобы уравновѣсить пагубныя дѣйствія, необходимо имъ противопоставить удачныя результаты разумной инициативы, рождающейся въ довѣрїи къ себѣ — столь необходимымъ при командованїи.

Для того, чтобы выработать или сохранить въ своемъ характерѣ качества, необходимыя для

командованія: устойчивость, твердость, энергію — заключающую въ себѣ сильную волю, нужно осуществить одну изъ систематическихъ ассоціацій, о которыхъ мы уже говорили. Въ зависимости отъ личности онѣ могутъ принимать различныя формы. Если говорить только о тѣхъ личностяхъ, которыя считаются здоровыми, то можно различать — уравновѣшенныхъ и одностороннихъ.

У первыхъ систематизація является слѣдствіемъ гармонїи сильныхъ тенденцій, хорошо развитыхъ и равномѣрныхъ, образующихъ одно цѣлое, не допуская, чтобы одна изъ нихъ доминировала болѣе или менѣе продолжительное время. У второго типа гармонїя вытекаетъ изъ—подчиненія всѣхъ тенденцій одной или нѣкоторымъ изъ нихъ; эти послѣднія составляютъ единство личности и не позволяютъ другимъ проявляться болѣе, чѣмъ это необходимо для поддержанія жизни. Этотъ второй типъ встрѣчается у людей съ опредѣленнымъ призваніемъ къ какому нибудь искусству, наукѣ и мы добавимъ карьерѣ; „красивая жизнь, говорятъ, это великая мечта юности, осуществленная въ зрѣломъ возрастѣ”.

Очевидно, что офицеръ или тотъ, кто желаетъ имѣть стать, долженъ преслѣдовать „односторонность” предпочтительно „уравновѣшенности”, потому что у обладающаго „одностороннимъ характеромъ” волей неволей образуется тѣсная связь между родомъ его занятія т. е. собраніемъ опредѣленныхъ привычекъ, которыхъ требуютъ условія соціальной жизни и его доминирующими тенденціями.

Роль размысленія и рѣшительности.

Размысленіе или лучше, рѣшеніе, подчиняетъ дѣятельность разуму; оно въ нѣкоторомъ родѣ упражненіе воли и его практика развиваетъ волю, позволяя ей противиться противоположнымъ страстямъ.

Размысленіе должно быть продуктивнымъ и выражаться въ непосредственныхъ дѣйствіяхъ или рѣшеніяхъ исполнимыхъ послѣ. Оно еще позволяеть извлечь изъ ежедневныхъ упражненій

правила сначала временныя, но которыя потомъ опредѣляясь, утверждаясь приобрѣтаютъ авторитетъ и ясность главныхъ принциповъ повеленія. Оно, наконецъ, погружаетъ ясный взглядъ въ будущее, который ему позволяетъ видѣть будущія дѣйствія. Дѣйствіе задуманное—есть уже начало дѣйствія; такъ что предварительное размышленіе является генеральной репетиціей дѣйствія. Съ точки зрѣнія командованія, нужно особенно настаивать на полезности и важности правилъ поведения, которыя даютъ вамъ рѣшительность и твердость, обезпечивающія успѣхъ.

Добавить, что: „одно изъ качествъ необходимыхъ военному, это воображеніе, на которомъ меньше всего останавливаютъ вниманіе. Необходимо чтобы генералъ могъ, въ любой моментъ, во время марша и въ предпріятіяхъ, часто на столько запутанныхъ и сложныхъ, представить себѣ ясно, какія позиціи въ его распоряженіи, какія возможныя позиціи врага. И не только это, но нужно чтобы онъ могъ представить, какія будутъ положенія чрезъ два, три дня и даже болѣе. На войнѣ нужно, чтобы воображеніе было въ состояніи нарисовать картину, на которой базируется наше дальнѣйшее дѣйствіе. Необходимо, чтобы генералъ упражнялъ свое воображеніе и поддерживалъ его безпрестанно, чтобы оно наконецъ функционировало съ ясностью и правдивостью.

Привычки.

Что особенно важно для одержанія побѣды надъ собой—это прочное единеніе идеи съ поведеніемъ, такое единеніе, или привычка, чтобы какъ только появилась идея, дѣйствіе слѣдовало тотчасъ за нею съ точностью и силой рефлекса. У насъ, дѣйствительно, есть склонность дѣйствовать всегда одинаково при идентичныхъ условіяхъ, такимъ образомъ привычки являются комбинаціей постоянства характера и единообразія обстоятельствъ; ихъ создало дѣйствіе, а повтореніе дало имъ съ теченіемъ времени силу и энергію естественнымъ наклонностямъ. Привычки,

такимъ образомъ, имѣютъ подраздѣленія, которыя мы одобряемъ для однихъ дѣйствій и не одобряемъ для другихъ. Ясно, что, если извѣстному числу живущихъ вмѣстѣ людей, внушить одинаковыя привычки, то этимъ можно развить дисциплину, что и требуется отъ военнаго воспитанія.

Дѣйствія.

Мышленіе стремится къ проявленію, къ дѣйствію, слѣдовательно весь человѣкъ проявляется въ дѣйствіи, и его цѣнятъ пропорціонально его дѣйствіямъ. Такимъ образомъ, дѣйствіе есть проявленіе нашей воли; наши дѣйствія обязываютъ насъ передъ обществомъ, откуда происходитъ чувство отвѣтственности. Такъ какъ дѣйствовать хорошо приноситъ большое удовольствіе, и потому что время произвольной дѣятельности ограничено, нужно стараться быть всегда и вездѣ дѣятельнымъ. Только люди инициативы ясной и смѣлой—ведутъ за собой нерѣшительныхъ, колеблющихся, резонеровъ. Послушаемъ совѣтъ доктора Мах Limon'a: „Не говори: я сбѣлаю, обдумавъ хорошенько; говори сейчасъ же: „дѣлаю"! такимъ образомъ укрѣпится воля". Къ несчастью въ жизни слишкомъ рѣдки возможности для блестящихъ дѣлъ; дѣйствовать—это значить выполнять тысячи маленькихъ дѣлъ, въ которыхъ всетаки можно проявить свою волю.

„Однимъ изъ самыхъ лучшихъ результатовъ, которыхъ можно достигнуть въ работѣ надъ собой, это ежедневное повтореніе твердо переносимыхъ тяжелыхъ условій”.

Смѣлый человѣкъ не только тотъ, который совершилъ какой нибудь крупный актъ храбрости, но также и тотъ, который храбро справляется со всѣми ежедневными актами жизни, что въ частности особенно относится къ ежедневному исполненію военнаго долга. Успѣхъ достигается только постоянными усиліями въ одномъ и томъ же направленіи: дѣятельность должна быть сознательной и основанной на глубокомъ раз-

мышлении, иначе человекъ дѣлается игрушкой обстоятельствъ, все непредвидѣнное его смущаетъ и заставляетъ все время сворачивать съ дороги, такъ что онъ наконецъ теряетъ главное направленіе. Пробный камень воли—это ея постоянство, или по крайней мѣрѣ продолжительность. Но энергія воли и воли твердой, требуетъ возможно долгихъ усилій, а если нѣтъ здоровья, то нѣтъ и продолжительныхъ усилій. Слѣдовательно, дѣятельный человекъ долженъ прежде всего поддерживать гигиену своего тѣла физическими упражненіями, которыя по словамъ доктора Рауотъ: „являются начальной школой воли“.

Дѣйствительно, всякое усиліе требуетъ воли, а воля, какъ и всякія способности, развивается отъ повторенія; какъ только начинаетъ ощущаться усталость, мышечная работа вызываетъ страданіе, а умѣтъ переносить страданіе — это уже сильное проявленіе воли.

Таково въ общихъ чертахъ воспитаніе воли путемъ дисциплинированія чувствъ, размышленія и воображенія: дѣйствій, которыя обращаются въ привычки. Воля есть основаніе власти, какъ это справедливо замѣтилъ романистъ и психологъ, Марсель Прево: „Да, вы получили этотъ рѣдкій и драгоценный даръ, эту способность заставлять повиноваться, которой, конечно, содѣйствуютъ и наши органы, нашъ взглядъ, нашъ голосъ, но которая главнымъ образомъ зависитъ отъ порядка, царящаго въ умѣ“.

„Ясно сознавать, чего хочешь, требовать только того, что исполнимо, знать время, необходимое для всякаго усилія, чтобы привести къ результату — вотъ въ чемъ самая эссенція власти, которая есть ни что иное, какъ выраженіе духовнаго порядка“.

Передача воли.

„Идеи“, пишетъ Рауотъ, „хотя и приходятъ извнѣ, но онѣ находятся въ гармоніи съ нашими основными чувствами, смѣшиваются съ идеями внутрен-

него происхожденія, которыя ясно выражаютъ весь нашъ характеръ, наши сокровенныя склонности. Наша чувствующая личность имѣетъ даетъ теплую окраску, онѣ дѣлаются въ нѣкоторомъ родѣ чувствами, онѣ вдохновительницы и поддержка всякой продолжительной дѣятельности въ данномъ направленіи. Это воспріятіе идей извнѣ проявляется въ добровольномъ повиновеніи подчиненнаго своему начальнику, такъ какъ первый усваиваетъ, идею брошенную вторымъ, какъ зерно на удобренную почву, гдѣ оно моментально произрастаетъ и даетъ растеніе, хорошо укоренившееся и плодородное. Это настоящій феноменъ внушенія, который не укрылся отъ военныхъ мыслителей. Для примѣра я возьму хотя бы эту красивую фразу генерала Foch: „воля побѣдить—первое условіе побѣды, слѣдовательно первый долгъ солдата; но также рѣшеніе свыше, которое въ случаѣ надобности, должно передаться въ душу солдата путемъ приказанія. Отсюда вытекаетъ для арміи, которая хочетъ побѣдить, необходимость величины перваго порядка—приказанія, а для человека, который хочетъ сраженія—необходимость дара приказывать. Думать и хотѣть, имѣть умъ и характеръ — недостаточно... Ему нуженъ даръ передать высшую энергію, которая его воодушевляетъ, своему оружію—массѣ людей“.

Внушеніе, свободное отъ гипноза.

Профессоръ Бернгеймъ отдѣлилъ внушеніе отъ гипноза. „Съ психологической точки зрѣнія“, говоритъ онъ. „внушеніе—это всякая возвышенная идея, могущая проникнуть въ мозгъ какимъ угодно путемъ; феномены совѣсти тоже ничто иное, какъ внушеніе, и мозгъ, направленный посторонней идеей, которую онъ получаетъ или сознательно принимаетъ, создаетъ цѣпь среднихъ идей и соотвѣтствующихъ дѣйствій. Такимъ образомъ, объясняется непосредственность инициативы при добровольномъ повиновеніи“.

Самые глубокіе сомнамбулы никогда не бываютъ автоматами, такъ какъ сонъ не создаетъ

импульсивности, а только повышает ее; идея становится только больше проникновенной, больше создающей во снѣ, вызванномъ усыпленіемъ, чѣмъ въ естественномъ. Такимъ образомъ, феномены внушенья, которые не были замѣтными для самаго внимательнаго наблюдателя при нормальномъ состояніи субъекта, сдѣлались бросающимися въ глаза при опытахъ гипнотизма, вслѣдствіе интенсивности, которую они получили у усыпленнаго. Человѣчскій мозгъ имѣетъ двойное психологическое свойство: естественную способность воспринимать внѣшнія идеи и инстинктивную склонность переводить ихъ въ дѣйствія. Это законъ идео-динамической трансформации. Это то, что Рибо называлъ въ основномъ принципѣ психологии воли, въ слѣдующей формѣ: „всякое состояние спзнанія имѣетъ тенденцію выразиться, перейти въ движеніе, въ дѣйствіе”. Переходъ идеи въ движеніе и есть механизмъ всякаго внушенья.

Идея становится дѣйствіемъ или автоматически, или по размышленіи; другими словами, идея управляетъ безсознательной жизнью, какъ и сознательной. Дѣйствіе иногда можетъ слѣдовать за идеей какъ рефлексъ, безъ того, чтобы сознание или разсужденіе имѣли время вмѣшаться; мы имѣемъ многочисленные примѣры этого во всѣхъ приказаніяхъ при *сомкнутомъ стропѣ или при ружейныхъ приемахъ*; возможно даже, что самое проявленіе внушенья незамѣтны для субъекта, когда оно дѣйствуетъ на функціи независимо отъ сознанія; это наблюдается, на примѣръ, при заразительности зѣванія.

Автоматизмъ даже можетъ быть подверженъ контролю, потому что разсудокъ можетъ притти съ своей стороны и помѣшать переходу идеи въ дѣйствіе. Есть случай, въ которыхъ этотъ переходъ такъ легокъ, что контроль не можетъ притти въ нужный моментъ, и находится уже въ присутствіи совершеннаго факта: всѣ нервные стрѣлки знаютъ это явленіе, потому что имъ часто случается, послѣ того какъ спустили курокъ и прежде, чѣмъ констатировать неудачный выстрѣлъ, уже ясно сознать, что они не попадутъ въ дичь или

цѣль, которую намѣтили, такъ какъ они недостаточно прицѣлились; контроль пришелъ слишкомъ поздно.

Способность къ внушенію и довѣрчивость.

Профессоръ Бернгеймъ называетъ внушеніемъ свойство мозга присваивать себѣ идею и переводить ее въ дѣйствіе; это свойство зависитъ одновременно и отъ довѣрчивости, т. е. отъ способности воспріять идею, и отъ идео-динамическаго возбужденія, т. е. способности перевести идею въ дѣйствіе. Разсматривая вниманіе съ точки зрѣнія терапевтической, онъ изучаетъ только влияніе слова: жестъ, интонація, оборотъ рѣчи; слова, которыя владѣютъ всѣмъ этимъ, помогаютъ введенію идей въ мозгъ. Вмѣстѣ съ докторами, онъ указываетъ на адвокатовъ, дипломатовъ, моралистовъ, пророковъ. Но ясно, что какова бы то ни была форма внушенья—путемъ жестовъ или письма, или слова—послѣдствія остаются тѣ же.

Нужно различать довѣріе и примѣрную довѣрчивость, которая есть утрированная форма перваго; и принять прекрасное опредѣленіе одного философа М. Dugand: „Довѣріе намъ дано, чтобы мы могли вѣрить на слово, не требуя рациональныхъ или моральныхъ доказательствъ, это одна изъ самыхъ важныхъ моральныхъ связей; безъ нея не могли бы существовать ни воспитаніе, ни традиція, ни исторія... Однимъ словомъ, вѣрить безъ довѣрія было бы также трудно, какъ видѣть безъ зрѣнія, иначе говоря, это было бы совершенно невозможно”.

Проф. Grosset говоритъ, что внушеніе, убѣжденіе и всѣ другіе виды влиянія, имѣютъ много сходнаго, одного происхожденія, и не представляютъ явленій разнородныхъ, хотя, тѣмъ не менѣе, они различны между собою. Въ концѣ своей книги о гипнотизмѣ и внушеніи онъ перечисляетъ явленія болѣе или менѣе приближающіяся къ гипнотизму: преподаваніе и убѣжденіе, разсѣянность, естественный сонъ. По его мнѣнію,

истинное состояніе внушенія существуетъ только при гипнозѣ, тогда какъ Бернгеймъ видитъ въ гипнозѣ гипертрофію внушенія.

Довѣріе и примѣръ.

При такихъ условіяхъ, я думаю, намъ будетъ позволено принять теорію пр. Бернгейма, которая имѣетъ то преимущество, что она группируетъ всю серію явленій передачи воли, какого бы ни было состояніе субъекта, нормальное или нѣтъ. Мы замѣтили, что если авторъ внушенія черезъ убѣжденіе не можетъ входить въ детали и поставленъ въ необходимость (какъ это бываетъ въ арміи, въ особенности въ военное время) передать свою мысль или волю въ короткихъ словахъ или нѣсколькихъ строчкахъ, иногда даже только жестомъ ими взглядомъ, нужно, чтобы субъектъ былъ подготовленъ къ воспріятію внушенія и къ немедленному выполненію внушаемаго дѣйствія.

Подготовка должна состоять въ воспитаніи постоянного довѣрія къ начальнику и такъ же въ степени возбуждаемости. „Должно быть довѣріе“, прибавимъ мы съ полковникомъ Ardant du Picq, но не то довѣріе экзальтированное и необдуманное, которое свойственно безпорядочнымъ или импровизированнымъ войскамъ, до наступленія опасности и моментально исчезающее, чтобы дать мѣсто противоположному чувству, повсюду предполагая измѣну; но довѣріе глубокое, непоколебимое, сознательное, которое не забывается въ разгарѣ дѣла, и единственное, создающее истинныхъ борцовъ“.

— Это довѣріе — настоящая вѣра, существующая еще до отданнаго приказанія; она можетъ существовать у подчиненныхъ по отношенію только къ начальнику, который имѣетъ и вѣру въ себя и довѣріе къ нимъ. Возвратное между высшими и низшими, оно должно быть взаимнымъ между равными. Это довѣріе есть база нравственной силы арміи. Слѣдовательно, офицеры только тогда стоятъ на высотѣ своего призванія

и способны внушать войскамъ довѣріе, необходимое для выполненія ихъ мыслей, когда они сами имѣютъ ясное сознаніе своего долга, когда они высоко ставятъ свое назначеніе, имѣютъ высокую нравственность, и кромѣ того, твердость характера настолько, что могутъ брать что нибудь на свою отвѣтственность всякій разъ, какъ обстоятельства этого требуютъ. Можно также сказать вмѣстѣ съ поэтомъ, цитируя знаменитое двухстишіе:

„Живые примѣры обучаютъ умѣло,
Солдата же книга не научитъ дѣлу“.

Офицеръ въ мирное время трудолюбивый и терпѣливый воспитатель довѣренной ему молодежи, изъ которой онъ долженъ стараться сдѣлать людей, во время войны дѣлается повелителемъ, вовлекая ихъ тогда помимо ихъ воли въ опасность и смерть, дѣлая изъ нихъ героевъ, невѣдомыхъ, незамѣтныхъ — героевъ, самыхъ достойныхъ изъ всѣхъ.

„Цѣль дисциплины — это заставить людей сражаться, часто помимо ихъ воли“. Солдаты волнуются, но чувство долга, дисциплины, самолюбіе, примѣръ и, въ особенности, хладнокровіе начальниковъ ихъ поддерживаетъ и не даетъ страху перейти въ ужасъ и панику.

Офицеры и унтеръ-офицеры, должны быть проникнуты мыслью, что ихъ первая великая миссія — это подавать примѣръ своимъ войскамъ. Никогда солдатъ не бываетъ такимъ послушнымъ и преданнымъ, какъ во время сраженія. Онъ не сводитъ глазъ со своего начальника, храбрость и хладнокровіе послѣдняго проникнуть ему въ душу, сдѣлаютъ его способнымъ на всѣ усилія и на всѣ жертвы.

Если въ мирное время начальникъ приноситъ въ жертву свою личность, то въ военное онъ долженъ быть готовъ пожертвовать жизнью.

Сознательная власть и подсознаніе.

Въ арміи должна быть только одна независимая воля — воля главнокомандующаго. Другіе, всѣ безъ исключенія отъ генерала до капрала, по-

винуются, и ихъ приказанія — только слѣдствіе повиновенія.

Они какъ колесики машины: ихъ назначеніе — передавать внизъ давленіе, полученное имъ сверху. Тѣмъ не менѣе, мы далеки отъ мысли, чтобы считать это сходство полнымъ: въ машинѣ движеніе всегда одно и то же, каждая пружина имѣетъ строго опредѣленное мѣсто и ходъ. Въ арміи же наоборотъ каждая единица сознательна и это сознательность составляетъ часть ея цѣнности и всегда находитъ примѣненіе, такъ какъ всякая моральная сила военнаго должна быть употреблена на службу странѣ также какъ и его физическія силы. То, что онъ несетъ на себѣ часть отвѣтственности, даетъ ему право и на часть славы.

Приказанія не могутъ предвидѣть всѣхъ возможныхъ случайностей настолько, чтобы совсѣмъ не дать свободы дѣйствій исполнителю.

„Капралъ на аванпостѣ или часовой могутъ проявить и способность и волю. Если даже на этихъ небольшихъ постахъ возможна сознательность, то тѣмъ болѣе она должна быть развита у лицъ, занимающихъ высшія должности“. Эти строки, написанныя генераломъ Blondel'емъ комментируютъ идею, высказанную въ началѣ этой главы, — о іерархическомъ подчиненіи воли всѣхъ одной волѣ — волѣ главнокомандующаго. Прибавимъ къ этому еще выдержку изъ временной инструкціи по полевой артиллеріи: „и при отдачѣ приказанія, полагающаго отвѣтственность на того, кто долженъ его выполнить, нужно избѣгать указанія средствъ къ его исполненію; нужно только точно выяснитъ намѣченную цѣль“.

Если начальникъ слишкомъ вдается въ детали, то этимъ онъ парализуетъ инициативу своихъ подчиненныхъ, что часто приводитъ къ бездѣйствію. Если бы генералъ Blondel жилъ въ наше время, онъ вѣроятно сравнилъ бы армію не съ машиной, а съ человѣческимъ тѣломъ, такъ какъ Claude Bernard говорить:

— „Физиологія ясно устанавливаетъ, что сознание находится исключительно въ мозговыхъ полушаріяхъ; но что касается самой сознатель-

ности, то физиологическіе опыты намъ показываютъ, что эта сила вовсе не сконцентрирована въ какомъ нибудь одномъ высшемъ органѣ, а что она напротивъ находится, въ различной степени, въ цѣлой серіи нервныхъ центровъ, вдоль всего позвоночнаго столба, и эти центры могутъ дѣйствовать, независимо, хотя и управляются іерархически между собой“.

Теперь можно даже сказать вмѣстѣ съ Durand'омъ, что „различной степени сознательность находится въ различныхъ нервныхъ центрахъ“.

Развивая эту идею Durand пишетъ:

„Сознание имѣетъ цѣлую армію неподозрѣваемыхъ сотрудниковъ, которые обыкновенно извѣстны подъ общимъ именемъ „подсознанія“. Маленькіе „я“ подсознанія не довольствуются только ролью секретарей или послушныхъ слугъ высшаго сознанія. Подсознаніе имѣетъ собственное огромное поле дѣйствій, гдѣ оно дѣйствуетъ непосредственно, свободно и внѣ всякаго руководства, всякаго вліянія или вмѣшательства со стороны „я“ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ, подсознаніе играетъ большую роль въ моральной личности индивидуума“.

Но, такъ какъ высшее сознание всетаки доминируетъ, и подсознаніе возстаетъ противъ него только въ особыхъ патологическихъ случаяхъ, ясно, что никакой образъ не можетъ лучше дать идею арміи, какъ человѣческій организмъ. Развѣ не говорятъ, что командующій во главѣ (лучше было бы сказать глава) своихъ войскъ?

Военное командованіе — это вліяніе высшей воли на цѣлую серію подчиненныхъ, къ содѣйствію которыхъ онъ обращается.

ЧАСТЬ II.

Глава III.

Непосредственное командование въ мирное время.

Содержаніе: Долгъ офицера. Авторитетъ. Товарищество. Духъ войска. Качества офицера. Нормальное воспитаніе. Необходимыя знанія офицера: психологія и физиологія. Офицеръ запаса внѣ полка. Военная подготовка. Роль воспитанія. Борьба съ антимилитаризмомъ.

Долгъ офицера.

Если понимать подъ командованіемъ совокупность органовъ, управляющихъ сверху внизъ по іерархической лѣстницѣ, то приходится подраздѣлить командованіе на два вида: высшее командованіе и командованіе непосредственное. Высшее командованіе принадлежитъ генераламъ и ихъ штабамъ, тогда какъ непосредственное командованіе заключаетъ въ себѣ всѣхъ чиновъ имѣющихъ прямое вліяніе на обученіе и управленіе войскъ, иначе говоря, командировъ корпусовъ и кадры, находящіеся подъ ихъ начальствомъ.

Въ капитанахъ, штабсъ-капитанахъ, поручикахъ и подпоручикахъ, а также и въ ихъ помощникахъ—унтеръ офицерахъ, фельдфебеляхъ ле-

жить проблема нашихъ современныхъ армій; установленіе настоящихъ связей товарищества между начальниками, которые нашли профессію, спеціальную карьеру въ военномъ дѣлѣ, и солдатами, которые не смотрятъ на свою службу иначе, какъ на выполненіе ихъ гражданского долга. Мы уже указали на эту проблему о военномъ духѣ въ демократіи; она здѣсь выдвигается еще съ большей настойчивостью. Поймутъ ли солдаты—граждане тѣ жертвы, которыя приноситъ офицеръ, отказываясь отъ правъ, которыми они пользуются, отъ правъ которыя имѣютъ огромное значеніе, а именно: всеобщее голосованіе и избирательный цензъ; порывая, однимъ словомъ, всѣ связи съ гражданской жизнью, чтобы найти въ арміи новое отечество.

Авторитетъ.

Съ другой стороны, офицеръ—единственный чиновникъ, которому государство даетъ почти неограниченную власть; нѣчто въ родѣ передачи части высшей власти, передачи въ его руки всѣхъ гражданъ, обязывая ихъ всецѣло повиноваться офицеру, ради составленія полковъ. Необходимо, чтобы ихъ сердце и умъ были въ согласіи, для того, чтобы принять такую власть. Отсюда ясна абсолютная необходимость этого морального согласія; потому что, если антагонизмъ утвердится между составомъ войскъ и составомъ офицеровъ, то получится: неповиновеніе, беспорядокъ, анархія. Войско, хорошо управляемое повинуетъ полностью командѣ своего начальника, за которымъ оно признаетъ авторитетъ, съ точки зрѣнія дисциплины и морали. Главнымъ образомъ въ роли воспитателя офицеръ можетъ утвердить свое превосходство и создать то довѣріе и то подчиненіе, благодаря которымъ призывъ „за мной ребята“ не остается безъ отвѣта.

Въ отношеніяхъ къ солдату, французскій офицеръ долженъ постоянно помнить, что онъ принадлежитъ къ демократической націи, въ которой выполняетъ функцію по своей сущности феодальнаго происхожденія, требующую, тѣмъ

самымъ, крайней тактичности и знанія природы, такъ же, какъ и обширности своихъ преимуществъ. По аналогичной идеѣ, Рауль, обращаясь къ ученикамъ высшей школы, говорилъ: „аристократія, которую намъ даетъ образованіе, такъ же ненавистна, какъ и денежная аристократія, если мы нравственной высотой нашей жизни, не заставимъ простить наше умственное превосходство“.

Главная обязанность командира, утверждаемъ мы, охранять своимъ именемъ и своимъ авторитетомъ дѣйствія подчиненныхъ. Ничто не дѣлается безъ приказа и позволенія; низшіе должны всегда чувствовать надъ собой волю, которая разрѣшаетъ или допускаетъ ихъ дѣйствія. Вы хотите повиновенія — дерзайте командовать: если зависимость гнететъ насъ, пусть отвѣтственность будетъ вашимъ бременемъ.

Позорно для военнаго начальника, въ затрудненіяхъ войны или при внутреннихъ беспорядкахъ, притаиться за двухсмысленными и неточными приказаніями для того, чтобы обезпечить себя выходъ. Это значитъ: парализовать повиновеніе, подавить преданность, и унизиться передъ самимъ собой.

Товарищество.

Первое условіе для того, чтобы быть понятнымъ людьми — это говорить на понятномъ имъ языкѣ. „Умѣнье говорить съ солдатами — это искусство, зависящее больше отъ сердца, чѣмъ отъ ума,“ писалъ генераль Вонна. Не допуская никогда фамильярности, начальникъ, достойный этого званія, долженъ научиться говорить со своими людьми языкомъ простымъ, веселымъ, безъ пошлости, приподнятымъ когда этого требуютъ обстоятельства, но который они всегда понимаютъ.

„Очень легко добиться любви такихъ наивныхъ и добрыхъ дѣтей, какъ наши солдаты,“ говоритъ еще генераль Langlois. Нужно для этого думать о нихъ и быть справедливымъ. Теперь между нашими офицерами и солдатами, существу-

етъ настоящее товарищеское отношеніе, которое прогрессируетъ съ каждымъ днемъ; первый видитъ въ солдатѣ скорѣе сотрудника, чѣмъ низшаго; послѣдній чувствуетъ у своихъ начальниковъ любовь, которая выражается въ постоянной заботливости. Это то, что Драгомировъ резюмировалъ въ своемъ „Руководствѣ для солдата“, становясь на уровень развитія русскаго крестьянина:

„Въ товариществѣ долженъ видѣть семью; въ начальникѣ — отца; въ товарищахъ — братьевъ; въ низшемъ твоего младшаго родственника. Тогда все будетъ весело, дружно, все пойдетъ хорошо; не думай о себѣ, но о своихъ товарищахъ; товарищи подумаютъ о тебѣ“.

„Превосходство дисциплинированныхъ солдатъ надъ толпой варваровъ (дикарей)“ сказалъ Дарвинъ „заключается главнымъ образомъ въ довѣрїи, съ которымъ каждый изъ нихъ относится къ своимъ товарищамъ“ и фонъ-деръ-Гольцъ добавляетъ: „это довѣрїе есть несомнѣнно лучшее средство дѣйствія дисциплины“.

Духъ отряда.

Эта преданность однихъ другимъ не только устраняетъ недоразумѣніе, могущее возникнуть между офицеромъ и солдатами, но вызываетъ еще чувство солидарности и симпатїи, необходимыя для выполненія общей задачи. Каждый офицеръ долженъ стараться, въ предѣлахъ возможности, установить между собой и своими подчиненными прочныя связи, которыя зовутся: — честью, духомъ войска, преданности и патриотизмомъ. Помимо процесса воспитанія и обученія существуетъ духъ части — ея душа. И командиру и только ему одному надлежитъ создать этотъ духъ и затѣмъ его поддерживать посредствомъ хорошей дисциплины. Нашъ солдатъ достаточно образованъ, самолюбивъ, устойчивъ и скроменъ.

Онъ участвовалъ идеи справедливости, солидарности и деликатности и наконецъ — чести, которыя его ставятъ внѣ сравненія.

Но солдатъ представляетъ полную цѣнность только тогда, когда начальники подаютъ ему примѣръ, заботятся о немъ и пользуются его довѣріемъ.

Это въ положеніи командира офицеръ развиваетъ глазомѣръ, рѣшительность, приобретаетъ въ отрядѣ, все повышающійся авторитетъ, который основывается на энергіи, увѣренности и нервной силѣ, позволяющихъ ему требовать отъ своихъ людей чудеса на полѣ сраженія.

Качества офицера.

Что такое начальникъ? Это прежде всего человекъ энергичный, прямой, честный, преданный своей части и посвящающій ей свое время. Умственная энергія, дѣятельность, сужденіе, преданность, откровенность, привычка видѣть все, все наблюдать, способность найти средства, наиболѣе отвѣчающія данному случаю, пренебрегая формализмомъ — таковы главные качества руководителя людей, которыхъ слѣдуетъ интенсивно развивать у офицеровъ. Эти качества могутъ существовать и развиваться и въ частной жизни, у всѣхъ тѣхъ изъ насъ, которые благодаря профессіи или своимъ занятіямъ поставлены въ непосредственное соприкосновеніе съ людьми т. е. съ солдатами, потому что каждый гражданинъ будетъ имъ, въ случаѣ войны, до 45 лѣтняго возраста.

Мы пройдемъ молчаніемъ качества чисто интеллектуальныя, не смотря на то, что они имѣютъ свою цѣнность и заслуживаютъ развитія, но они занимаютъ второе мѣсто въ ряду способностей и приобретений, необходимыхъ офицеру; они образуются и развиваются такъ же хорошо внѣ арміи какъ и внутри ея. Однако важно напомнить, что командиръ долженъ быть не только человѣчнымъ и нравственнымъ, но еще и справедливымъ: люди равны передъ закономъ; солдаты передъ долгомъ; справедливость есть необходимая принадлежность всякой нравственной власти.

Моральное воспитаніе,

Мы не намѣрены преувеличивать роли воспитателя, которую „всеобщая воинская повинность“ возлагаетъ на офицеровъ дѣйствующей арміи. Общественная роль офицера, въ національной арміи, была предметомъ обсуждения въ одной статьѣ, принадлежащей перу генерала Lyontey; ея заключеніе слѣдующее: „строгое примѣненіе обязательной воинской повинности, заставляя проходить черезъ руки офицера всю націю, увеличиваетъ до громаднхъ размѣровъ роль воспитателя“.

И мы добавимъ, что эта роль позволяетъ офицеру по возможности чаще входить въ человѣческія сношенія съ солдатомъ, потому что какъ воспитатель онъ долженъ передать свои личныя познанія солдату, примѣняясь къ его уровню въ дружескихъ бесѣдахъ, перерываемыхъ анекдотами, или хорошо выбраннымъ чтеніемъ.

„Очень хорошо понимаютъ, говорить одинъ философъ, что казарма можетъ быть отнюдь не клѣткой для физическихъ упражненій или утомительныхъ работъ; убѣждаются также и въ томъ, что собирая для защиты отечества всю молодежь, казарма могла бы и должна бы быть мѣстомъ, гдѣ завершалось бы воспитаніе этой молодежи“.

Уже Guibert настаивалъ на той части военнаго воспитанія, которая создаетъ мужество, нравы, традиціи; на части настолько важной, но такъ пренебрегаемой, такъ незнакомой всѣмъ генераламъ и правительствамъ, что ни въ древней, ни въ новой исторіи онъ не можетъ указать ни одного человѣка про котораго могъ бы сказать: „Ему недостаточно было сдѣлать своихъ солдатъ храбрыми, онъ хотѣлъ, чтобы они были честными людьми“.

Мы ничего не можемъ сдѣлать лучше, какъ напомнить здѣсь короткій панегирикъ обязательной воинской повинности виконта de Vogué:

„Всеобщая воинская повинность сыграетъ рѣшительную роль въ нашемъ социальномъ строителствѣ. Я ожидаю отъ нея неисчислимыхъ

ставительство военной силы. Но, помимо этих умозрительных заключений, они кажутся призваны оказать в ближайшем будущем значительные услуги в области болѣе реальной, именно в военной подготовкѣ.

„Государству принадлежит инициатива“, писал недавно подполковник *Coste*, „побудить всѣми средствами своей власти офицеровъ запаса и территориальныхъ принять участіе въ обществахъ и ассоціаціяхъ, руководить упражненіями теоретическими и практическими, посвятить ихъ досуги этой полезной цѣли. Какъ не видятъ двойной пользы отъ этого сотрудничества? Наши дѣти подготовятся къ выполненію военного долга, нашими же запасными офицерами, которые развиваютъ такимъ образомъ свои способности воспитателя и свои способности къ командованію; такимъ образомъ въ націи все болѣе и болѣе происходитъ слияніе элементовъ военного и гражданскаго, и не только въ созданіи, какъ слѣдствіе этой подготовки, но въ ежедневныхъ сношеніяхъ, благодаря присутствію офицера на собраніяхъ, конкурсахъ молодежи при выполненіи функций инструктора и воспитателя.

Военная подготовка.

Идея военной подготовки не нова; уже въ 1772 г. военный мыслитель *Guibert* составилъ проектъ, принаровленный къ XVIII вѣку.

„Физическія упражненія, преподаваемые внѣ службы, должны войти въ методъ воспитанія всей молодежи королевства. Во Франціи, гдѣ король — все, гдѣ его примѣръ — законъ, король долженъ ввести своихъ приближенныхъ въ дѣятельную и военную жизнь, чтобы его собственная жизнь была такова, чтобы онъ воспитывалъ своихъ дѣтей на этомъ принципѣ, чтобы онъ присутствовалъ на ихъ упражненіяхъ, чтобы онъ клеймилъ своимъ презрѣніемъ молодыхъ людей праздныхъ, сластолюбивыхъ, невѣжественныхъ и отличалъ другихъ. Изъ дворца и столицы духъ чести и мужества проникнетъ въ провин-

ціи. Буржузія не будетъ больше смотрѣть на званіе солдата, какъ на позоръ; деревенская молодежь не будетъ бояться попасть въ милицію: она будетъ собираться по праздникамъ и воскресеніямъ чтобы оспаривать призы за прыжки на высоту, за бѣгъ и ловкость. Эти призы, которые учредитъ правительство въ каждой провинціи, будутъ въ тысячу разъ цѣннѣе чѣмъ безплодный и дорого стоящій ежегодный призъ въ милиціи: такъ какъ имѣя ловкихъ и сильныхъ крестьянъ, уже привыкшихъ къ бряцанію оружіемъ и обращенію съ нимъ; имѣя въ то же время хорошую дисциплину и хорошихъ офицеровъ, вы изъ нихъ быстро сдѣлаете солдатъ“.

Для того чтобы вызвать общественное обновленіе, о которомъ говоритъ виконтъ *de Vogue*, необходимо, прежде всего, обезпечить полное согласіе воспитанія: домашняго, школьнаго и военнаго. „Народъ“, говоритъ онъ, „пробуждается только подъ вліяніемъ новаго метода воспитанія въ семьѣ, въ школѣ, въ казармѣ; воспитанія основаннаго на вѣчныхъ принципахъ правды и справедливости“. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ мирное время гражданскій духъ націи переходитъ въ армию. Необходимо стало быть, еще въ дѣтствѣ, дать будущему солдату гражданину понятіе военного долга. Первые зачатки того понятія, онъ долженъ получить отъ своихъ родителей.

Первоначальная роль учителя.

Не слѣдуетъ, чтобы то, что сдѣлано въ родительскомъ домѣ разрушалось внѣшними впечатлѣніями, воспитателямъ же надлежитъ развивать эти первыя зачатки моральнаго воспитанія въ душѣ и сердцѣ дѣтей, и въ самомъ позднѣйшемъ періодѣ военные начальники могутъ ихъ сдѣлать полезными.

Послушаемъ генерала *Pèdoya* излагающаго свои опасенія: „Зло антипатріотизма мы видимъ менѣе въ настоящемъ, чѣмъ будущемъ. Мы начинаемъ опасаться, что оно будетъ дѣломъ рукъ

нашихъ учителей. Въмѣсто того, чтобы подобно нѣмецкому учителю, который постоянно заботится, чтобы вложить въ душу дѣтей духъ дисциплины, уваженіе къ законамъ, любовь къ отечеству, болѣе, чѣмъ о чистописаніи и чтеніи, мы видимъ что французскіе учителя присоединились къ биржамъ труда и раздѣляютъ идеи, которыя тамъ проповѣдуются. „Обзоръ первоначальнаго образованія“ дошелъ до того, что заклеилъ на своихъ страницахъ трехъ учителей департамента de e'Aisne, разстрѣлянныхъ пруссаками въ 1870 г. за то, что организовали оборону въ окрестностяхъ Soissons'a. Мы рассчитываемъ на добрыя чувства и интеллигентность большей части нашихъ учителей и надѣемся видѣть ихъ устыдившимися и клеймящимъ тѣ теоріи, которыя въ результатъ могутъ вызвать страшную реакцію и даже вычеркнуть Францію изъ числа великихъ державъ.

Борьба противъ антимилитаризма.

Какъ бы то ни было, существованіе зла не можетъ быть болѣе игнорировано: развѣ не слышали на митингѣ 1909 г. оратора, восхваляшаго антипатріотизмъ, навстрѣчу которому пойдутъ всѣ трудящіеся „какъ только поймутъ, что патріотизмъ служитъ лишь для возбужденія фанатизма толпы. Ихъ назовутъ неимѣющими отечества. Но вѣдь это смѣшно! Развѣ не повсюду для насъ отечество, для насъ, имѣющихъ братьевъ вездѣ, гдѣ страдаютъ рабочіе!“. Заключение рѣчи таково: „Мы патріоты настолько, насколько хотимъ сохранить за Франціей славу сѣятеля идей антимилитаризма! Если возгорится война, мы хотѣли бы, чтобы французскіе рабочіе не участвовали въ ней и сказали бы своимъ германскимъ братьямъ: „видите, мы не хотимъ сражаться съ вами, мы скрестили руки, осмѣльтеся же стрѣлять!“ И я увѣренъ, что германскіе рабочіе не станутъ стрѣлять“. Эта перефразировка историческихъ словъ de Fontenoy: „стрѣляйте первыми, господа англичане!“ была бы смѣшной, если бы не была ужасной.

Антимилитаризмъ прежде всего проявленіе того крайняго пониманія равенства, о которомъ говоритъ Montesquieu, и онъ очень опасенъ для демократіи. потому что это духъ естественно враждебный по отношенію ко всякой военной организаци, влекущей за собой существованіе строгой іерархіи, составленной корпусомъ офицеровъ, которые облечены исключительнымъ авторитетомъ. Но антимилитаризмъ всецѣло послѣдствіе долгаго мира, блага котораго имѣютъ прискорбные результаты — превращать дорогую дань крови, которой требуетъ національная защита и которая считается поэтому священной—въ дань времени, теряемаго для безопасности страны въ количествѣ двухъ лѣтъ, вычеркнутыхъ изъ жизни каждаго мужчины въ ущербъ избранной имъ карьерѣ или ремеслу.

Исторія должна широко способствовать патріотическому образованію.

Совокупность наблюденій позволяетъ надѣяться на осуществленіе упованій генерала Pedoya: „Мы не требуемъ отъ нашихъ учителей восхваленія войны, мы хорошо знаемъ всѣ несчастія, которыя она приноситъ; но мы требуемъ отъ нихъ подражанія нашимъ побѣдителямъ—дать французскому юношеству то воспитаніе, которое дѣлаетъ армию побѣдоносной, и научатъ боготворить отечество“.

Подполковникъ Coste совѣмъ недавно предлагалъ систему, которая, разумно предложенная, даетъ почву для соглашенія военной власти съ учителями школъ, которые будутъ ей враждебны или которые не поймутъ ея настоятельной необходимости: создать изъ учителей — воспитателей физической стороны ихъ учениковъ, пользуясь ихъ пребываніемъ подъ знаменами, посылая ихъ въ нормальную школу гимнастики и фехтованія de Joinville и въ разныя гимнастическія школы.

Такимъ образомъ, они не будутъ видѣть въ обязательной службѣ полной остановки въ ихъ карьерѣ, но—случай развитъ и усовершенствовать одну изъ своихъ важныхъ профессиональных способностей. „Въ нашемъ проектѣ“—дѣлаетъ за-

ключеніе Coste, „дѣло воспитанія физическаго и военнаго такъ же, какъ и воспитаніе моральное и интеллектуальное (причемъ энергія духовная непосредственно зависитъ отъ здоровья физическаго) начинается учителемъ; учитель этотъ, будучи прежде солдатомъ, подготовленный къ своей двойной роли воспитателя физическаго и военнаго, сначала въ нормальной школѣ, затѣмъ въ полку, и наконецъ въ Joinville, найдетъ въ исполненіи своихъ новыхъ обязанностей пріятное и полезное развлеченіе отъ своихъ повседневныхъ школьныхъ занятій“.

Оно продолжается офицеромъ запаса, ставшаго душой различныхъ обществъ и ихъ многочисленныхъ отдѣленій и подобно цвѣтку, дающему плоды, мы обновимъ кровь и мышцы, зная только какъ ее оберегать, защищать, позволяя ей жить.

Наконецъ, дѣло заканчивается въ полку, гдѣ офицеру не остается ничего больше какъ вооружить людей, уже сформировавшихся нравственно и физически, и пожинать плоды того, что сѣялъ при посредствѣ слова и примѣра. Офицеры запаса будутъ счастливы отдать свои познанія и свою готовость въ жертву на служеніе націи для выполненія такой почетной задачи; это доказывается конкурсами, которые постоянно устраиваются „Обществами военной подготовки и усовершенствованія“, официально утвержденными приказомъ военнаго министерства 7 ноября 1908 г

Глава IV.

Непосредственное командованіе на войнѣ.

Офицеръ запаса, какъ боевой офицеръ. Рѣшительность. Мужество. Выносливость. Дальновидность. Нравственныя силы. Солидарность. Сліяніе родовъ войскъ. Непосредственное командованіе въ сраженіи: интеллектуальная дисциплина. Сраженіе солдатъ и начальниковъ. Психологія боя. Содѣйствіе писателей. Скорострѣльная артиллерія въ бою.

Офицеръ запаса, какъ боевой офицеръ.

Очень интересно, прямо изъ любопытства, привести мнѣніе о запасныхъ офицерахъ, высказанное однимъ военнымъ писателемъ, причемъ я долженъ замѣтить, что среди многочисленныхъ французскихъ трудовъ по военной педагогикѣ, это единственныя насъ касающіяся строки, которыя я нашель: офицеры запаса, не то, что офицеры профессиональные, вполнѣ отдавшіея военному дѣлу; они ему посвящаютъ только минимальную часть своего времени. Ихъ характеръ образуется подъ влияніемъ ихъ гражданской профессіи. Собраніе этихъ офицеровъ не могло-бы сформировать корпусъ, имѣющій общія функціи, коллективную отвѣтственность и нравственную фізіономію.

Только корпусъ офицеровъ — профессионаловъ можетъ быть отраженіемъ жизни арміи; только тѣсно соприкасаясь съ этимъ корпусомъ и принимая его направленіе, запасные офицеры могутъ принять участіе въ нравственной жизни арміи.

Запасной офицеръ — гражданинъ, получающій въ мирное время нѣкоторыя практическія познанія, необходимыя для того, чтобы въ случаѣ надобности, въ военное время, онъ могъ испол-

нять должность офицера; только мобилизация дѣлаетъ его офицеромъ. Значитъ, онъ боевой офицеръ и это настолько завидная роль, что самые требовательные должны быть ею довольны.

Въ Германіи запаснымъ офицерамъ придается рѣшающее значеніе для будущихъ войнъ. „Есть классъ офицеровъ, важность которыхъ въ большихъ европейскихъ арміяхъ увеличивается съ каждымъ днемъ. Это офицеры запаса, которые оставляютъ свои гражданскія занятія, только тогда, когда война призываетъ ихъ подъ знамена. Не всякій остается военнымъ и въ мирное время, но за то всякій образованный чело­вѣкъ, принадлежащій къ правящимъ классамъ, долженъ считать своей обязанностью подготовиться къ замѣщенію, въ случаѣ надобности, строевыхъ офицеровъ, въ которыхъ будетъ недостатокъ“.

Къ сожалѣнію, непосредственное командованіе на полѣ сраженія дѣло далеко не легкое, хотя бы напри­мѣръ, если вдуматься въ мысль генерала Langlois: „Вовсе не необходимо командовать боевой единицей, чтобы понять, для полезной работы въ войскахъ, важность собственной подготовки тѣмъ, кто ею командуетъ, важность довѣрія солдата къ начальнику и начальника къ солдату“. Война насъ не только призываетъ къ исполненію этой обязанности въ моментъ наиболѣе критическій, но кромѣ того она насъ ставитъ лицомъ къ лицу съ людьми намъ незнакомыми и совершенно незнающими насъ: для того чтобы ихъ привязать къ себѣ узами, способными повести ихъ на смерть, мы имѣемъ краткій періодъ — періодъ мобилизации и передвиженія по желѣзной дорогѣ. Мы не сумѣли бы внушить такъ скоро надле­жащаго довѣрія, если бы оно не находилось уже въ зародышѣ у каждаго гражданина — солдата; оно должно быть заранее подготовлено по отно­шенію къ офицеру, это „необходимое условіе, чтобы обезпечить успѣхъ славному дѣлу арміи“.

Рѣшимость.

Нужно прежде всего, чтобы люди чувствовали надъ собой командованіе; отсюда необходи­мость рѣшимости: „она должна выражаться въ яс-

ныхъ и отчетливыхъ приказаніяхъ. „Чтобы достичь желаемого результата на полѣ сраженія“, говоритъ фонъ-деръ-Гольцъ, „еще необходимо, чтобы она опиралась на личное самообладаніе и вліяніе начальника; нужно, чтобы въ ней видѣли его вѣру въ дѣло, нужно чтобы онъ показалъ увѣренность, что его распоряженія приведутъ къ успѣху.“ Личное вліяніе — даръ скорѣе природный, который можетъ быть приобрѣтенъ только съ большимъ трудомъ; мнимая увѣренность даже можетъ сослужить службу, тогда какъ самое незначительное сомнѣніе или опасеніе, могутъ причинить громаднѣй вредъ. Мефистофель можетъ быть для насъ такимъ же хорошимъ наставникомъ какъ и для ученаго: „даже дерзость не повредитъ вамъ, и пока вы имѣете вѣру въ себя — и другіе будутъ имѣть вѣру въ васъ“.

Безусловно требуется поддержаніе дисциплины: „ни на одинъ моментъ офицеръ не долженъ прерывать регулярнаго командованія своимъ отрядомъ; онъ можетъ разрѣшить нѣкоторые вольности, но не терпѣть ихъ. Дисциплина требуетъ отъ каждаго — въ интересахъ всѣхъ, только чувства общаго блага, ясно сознаваемого въ трудныхъ обстоятельствахъ, даетъ право и даже вмѣняетъ въ обязанность офицеру быть настойчивымъ до строгости, если нужно. Чѣмъ больше обстоятельства разрушаютъ тактическія узы, тѣмъ больше нужно энергіи, чтобы поддержать дисциплину и порядокъ, безъ которыхъ армія находится во власти врага или распадается вовсе.“

Мужество.

Чтобы быть въ состояніи командовать на войнѣ, необходимо имѣть мужество, т. е. идти навстрѣчу врагу, не взирая на усталость, страданія и опасность, сохраняя постоянную способность ясно мыслить, желать и дѣйствовать сообразно съ тактическими условіями. Усталость и страданіе дѣлаетъ чело­вѣка неподвижнымъ, опасность или его парализуетъ или побуждаетъ къ бѣгству; эти-же причины затуманиваютъ его

сознание, и физическая природа силится одержать верхъ надъ духовной. Значитъ нужно, чтобы сознание противостояло имъ путемъ возбужденія инстинкта борьбы или путемъ пренебреженія внѣшними влияніями, что насъ приводитъ къ заключеніямъ, уже выведеннымъ тогда, когда мы говорили о воспитаніи воли.

Чувства, благопріятствующія развитію мужества и есть настоящія военныя добродѣтели: патриотизмъ, честь, довѣріе къ командующимъ, къ себѣ самому, къ товарищамъ, къ подчиненнымъ, примѣръ, заразительность благороднаго возбужденія, инстинктъ обиды, надежда на вознагражденіе и боязнь безчестія.

Презрѣніе враждебныхъ чувствъ доходитъ до нечувствительности, которую называютъ безстрастіемъ или хладнокровіемъ; чтобы пріобрѣсти его, нужно закалить организмъ физически и психически частымъ повтореніемъ неприятныхъ впечатлѣній; еще въ мирное время можно привить себѣ привычку переносить усталость и нѣкоторыя страданія; это подготавливаетъ къ тому, чтобы въ военное время встрѣтить опасность лицомъ къ лицу. Здѣсь видно влияние воли, желанія побѣдить, являющихся зародышемъ мужества.

Стойкость.

Къ увѣренному командованію и мужеству офицеръ долженъ еще прибавить стойкость т. е. онъ долженъ твердо держаться разъ принятыхъ рѣшеній, даже когда они ему уже показались не такими правильными во время исполненія; онъ только долженъ внести нѣкоторыя поправки понятныя и легко выполнимыя въ борьбѣ; и наконецъ, методически преслѣдовать выполнение первоначально данныхъ приказаній. Ничто такъ не деморализируетъ войско, какъ контръ-приказы, не вызванные извнѣ никакой внезапной перемены положенія; ничто такъ не подрываетъ довѣрія къ начальнику, какъ неожиданная перемена приказаній. Въ пылу сраженія, подъ давленіемъ необходимости, заставляющей дѣйствовать какъ

можно быстрѣе, трудно найти сразу лучшее рѣшеніе данной тактической проблемы; достаточно, если принятое рѣшеніе хорошо или даже сносно; можетъ случиться, что оно оказалось не самымъ быстрымъ, и что во время его исполненія начальникъ нашелъ другое, гораздо болѣе выгодное, но никогда, даже въ такомъ случаѣ, не слѣдуетъ его отмѣнять, такъ какъ это привело бы къ неизбѣжному колебанію войска и вмѣсто экономіи времени получилась бы еще большая потеря. Затѣмъ, новыя приказанія могутъ не достигъ назначенія или быть плохо понятыми. Въ исторіи нѣтъ недостатка въ примѣрахъ того, какъ иногда неудачно начатое дѣло, кончалось со славой, даже побѣдой, благодаря постоянству общихъ условій въ одномъ и томъ же направленіи; это девизъ „Patentia victorix“ (терпѣніе побѣждаетъ), справедливость котораго подтверждается даже въ неравной борьбѣ.

Дальновидность.

Но не только словами можно заставить дѣйствовать солдата: нужно еще дѣятельно заниматься его матеріальнымъ благополучіемъ, чтобы пробудить его довѣріе къ офицеру. Не нужно забывать, что, по словамъ Фридриха Великаго, нѣкій генералъ говорилъ: „чтобы хорошо установить центръ арміи, нужно начинать съ желудка“ и что это база всѣхъ дѣйствій. Отсюда возникаетъ необходимость въ дальновидности: „она необходимое качество для командующаго войсками, посредствомъ ея онъ пріобрѣтаетъ привязанность людей, которая вызываетъ добровольное повиновеніе. Она должна проявиться всюду; въ походахъ — ея цѣль избавить людей отъ ненужной усталости; нужно стараться не брать оружія раньше самаго момента выступленія, избѣгать также слишкомъ ранняго прибытія къ мѣсту назначенія. Но дѣло не только въ походѣ: нужно еще жить и отдыхать.

Дальновидность приводитъ къ изученію двухъ главныхъ факторовъ дѣйствія: времени и пространства. Времени — чтобы обдумать, отдать и

передать приказанія, чтобы собрать своихъ людей и вообще принять положеніе, требуемое обстоятельствами; пространства — чтобы выбрать направленіе для передвиженія войскъ, дать имъ возможность жить и отдыхать, собрать ихъ и заставить сражаться.

Нравственныя силы.

Не нужно забывать, что побѣда не только въ орудіяхъ разрушенія: „Есть одна сила, старая какъ міръ и вѣчно новая, болѣе страшная, чѣмъ пушка и оружіе, отъ которой можно ожидать всякихъ неожиданностей, разнообразнѣйшихъ ухищреній, съ удивительной точностью подходящихъ къ даннымъ обстоятельствамъ: это моральная сила, равнодѣйствующая трехъ: ума, который замышляетъ, воли, которая исполняетъ, мужества, которое пренебрегаетъ смертью“.

Если эта сила распространена въ массѣ, она ее возбуждаетъ, воодушевляетъ и дѣлаетъ способной къ великимъ жертвамъ, которыхъ требуетъ побѣда. Составленная изъ всѣхъ соединенныхъ качествъ человѣческаго ума и сердца, эта сила увеличивается вмѣстѣ съ развитіемъ воспитанія, образованія, благородныхъ чувствъ и идей народа, по мѣрѣ того, какъ совершенствуется организація арміи и повышается командованіе, въ которомъ она находитъ свое внѣшнее выраженіе.

Заключеніе таково, что моральная сила солдата, приведенная въ дѣйствіе приказаніемъ начальника обезпечиваетъ успѣхъ.

Солидарность.

Сраженіе въ наше время требуетъ моральнаго сотрудничества, солидарности болѣе чѣмъ когда либо. Оно основывается, какъ мы видѣли, на полномъ соглашеніи солдатъ и офицеровъ. Подчиненные и начальники, объединенные общей мыслью, должны соединить свои усилія и добрую волю, чтобы ихъ энергія дѣйствовала въ одномъ

направленіи вмѣсто того, чтобы противорѣчить. Въ соединеніи съ дисциплиной солидарность гарантируетъ дѣйствіе приказа и объединеніе усилий. Это то, что генераль фонъ-дер-Гольцъ называетъ чувствомъ общинности:

„Родившись изъ серьезной общей работы, это чувство соединяетъ офицера и солдата. Всякій солдатъ знаетъ по опыту, что его офицеръ не покинетъ своего поста ни при какихъ обстоятельствахъ, что войско — для него семья, у которой только общіе интересы, и всѣ члены которой будутъ тѣсно держаться другъ-друга въ опасности и гибели“. Это порождаетъ то довѣріе, о которомъ говоритъ Дарвинъ: „солдатъ спокойно подвигается подъ вражескими пулями, потому что онъ знаетъ, что его сосѣдъ дѣлаетъ то же, что его начальникъ впереди и что онъ не можетъ ихъ покинуть“.

Скрытая сила этого чувства общинности продолжается даже тогда, когда дисциплина и порядокъ, основанные на законѣ, болѣе не держатся, потому что въ возбужденіи и смятеніи битвы контроль невозможенъ. Генераль Драгомировъ такъ резюмировалъ эти идеи въ своемъ руководствѣ для подготовки войскъ къ сраженію:

„Вы должны прежде всего и сверхъ всего умѣть держать своихъ солдатъ въ рукахъ, держать сильной вашей воли, а не физическимъ страхомъ. Держать ихъ такъ, чтобы они не знали другого голоса, кромѣ вашего, другой воли, кромѣ вашей, чтобы при всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ ихъ глаза и мысли инстинктивно обращались къ вамъ, чтобы вы рѣшили: что дѣлать? Только тогда вы составите одно тѣло, одну душу“. Вотъ это истинная солидарность, полная общность, составляющая дѣйствительно одно тѣло, въ которомъ начальникъ глава, а подчиненные — послушные и неотдѣлимые члены.

Сліяніе.

Наряду со старинной дисциплиной, которая соединяетъ только солдатъ и начальниковъ одного и тоже корпуса и которая называется со-

дира полка, имѣютъ больше, чѣмъ когда нибудь возможность дѣйствовать независимо, и такъ какъ отъ рѣшительности и мужества ихъ зависитъ весь ходъ сраженія, то въ наше время, болѣе чѣмъ когда либо, сраженія сдѣлались сраженіями солдатъ и командировъ.

Эта доктрина полковника Ardant de Picq, часто подвергалась критикѣ, но генераль Langlois ее принимаетъ по крайней мѣрѣ для всей первой фазы борьбы: „во время наступленія прямое дѣйствіе приказанія не можетъ чувствоваться: нужно, чтобы каждый сражающійся дѣйствовалъ самъ за себя“.

Генераль Vonnet пишетъ: „Большая разница, идти въ атаку, чтобы рѣшить какой-нибудь вопросъ, или-же сражаться по всему фронту, чтобы обезсилить противника и поставить его въ невозможность располагать своими резервами для наиболѣе угрожаемыхъ пунктовъ.“

Въ первомъ случаѣ низшія единицы пѣхоты какъ бы потонуть въ общей массѣ, тогда какъ во второмъ командиры полка и ротные дѣлаются настоящими руководителями боя. Такимъ образомъ, здравый смыслъ, заставляетъ всѣхъ въ арміи противиться полному случайностей перевѣсу дѣйствій солдатъ надъ дѣйствіями начальника; отдалить всѣми силами тотъ моментъ, когда солдатъ выбирается въ начальники“. Къ сожалѣнію наступаетъ моментъ когда „инстинктъ въ полномъ противорѣчьи съ предписаніемъ и разрушаетъ дисциплину тактическими неповиновеніями, какъ разъ въ моментъ самаго напряженнаго дѣйствія“.

Дисциплина не всегда можетъ быть повластной надъ чувствами; приходится считаться съ дѣйствіемъ ужаса, несчастья или исключительныхъ несчастныхъ случайностей. Изъ военнаго лексикона нельзя исключить слова паника, какъ и термины героизмъ и презрѣніе къ смерти.

Нужно еще считаться и съ усталостью, которая послѣ продолжительныхъ усилій и работы проникаетъ понемногу во всѣ части арміи, начиная съ простаго солдата. „Армія, побывавшая въ нѣсколькихъ сраженіяхъ“, утверждаетъ фонъ

деръ-Гольцъ, „обыкновенно теряетъ лучшихъ своихъ офицеровъ и солдатъ, такъ какъ смерть поражаетъ всегда самыхъ храбрыхъ. Они погибаютъ также и отъ болѣзней, такъ какъ наиболѣе дѣятельные быстрѣ изнашиваются. Такимъ образомъ, если война продолжительна, качество арміи понемногу понижается. Такъ же невозможно все время оставаться героемъ, когда сраженія дѣлаются ежедневными, когда отъ постоянного присутствія опасности теряется ея острота, когда надо брести по грязнымъ дорогамъ и спать на сырой травѣ: грязь—опасный противникъ энтузіазма“.

„Неволью въ глубинѣ души является желаніе вернуться домой, въ тепло и безопасность; къ концу медленной войны уже никому не хочется умирать за отечество; большинству солдатъ пріѣдается даже счастливая война. Цивилизованные народы скоро начинаютъ тяготиться необычнымъ положеніемъ, которое тормозитъ ихъ мирное развитіе. И если эта тягота наступаетъ даже въ случаѣ удачной войны, то насколько скорѣе исчерпается энтузіазмъ при пораженіяхъ и отступленіяхъ!“.

Заключеніе всего этого находимъ у генерала Vonnal: „Исторія древнихъ и современныхъ сраженій самымъ блестящимъ образомъ доказываетъ вѣчную истину, что качество войска производитъ деспотическое дѣйствіе на рѣшеніе высшихъ властей“, другими словами: „моральныя силы господствуютъ надъ всѣми рѣшеніями командира“.

Психологія боя,

Такимъ образомъ, мы естественно пришли къ изученію человѣка, но на этотъ разъ въ его отношеніи къ смерти, что представляетъ немало трудностей, принимая во вниманіе нашу неопытность или опытность, только относительную: „нужно постараться узнать, какъ человѣкъ и, въ частности, французъ сражался прежде: какъ и въ какой мѣрѣ, подъ давленіемъ опасности онъ слѣдовалъ предписаніямъ, пренебрегалъ или забы-

валъ ихъ, чтобы сражаться такъ, какъ ему подсказываетъ инстинктъ или сознание“.

Когда мы узнаемъ это—мы сможемъ признать, что въ ближайшемъ будущемъ, болѣе чѣмъ когда бы то ни было, будетъ имѣть значеніе индивидуальная, цѣнность солдата и группъ и, слѣдовательно, прочность дисциплины. Но это, какъ говоритъ полковникъ Ardant de Picq, и есть психологія боя, и къ несчастью военные историки до сихъ поръ слишкомъ небрежно относились къ ея изученію: говорили о важности коэффициента моральной силы, но не изучали ея дѣйствія въ какомъ нибудь данномъ походѣ. Нельзя не думать вмѣстѣ съ генераломъ Драгомировымъ что: „нельзя упрекнуть военную литературу въ томъ, что она была мало плодотворна въ особенности за послѣдніе два вѣка, тѣмъ не менѣе мы ничего или почти ничего не знаемъ о внутреннихъ явленіяхъ, происходящихъ въ чело-вѣческомъ сердцѣ подъ вліяніемъ опасности“.

Многіе думаютъ, что психологическая сторона войны не привлекала вниманія философовъ только потому, что предметъ самъ по себѣ не заслуживаетъ серьезнаго изслѣдованія, но тѣмъ не менѣе война и только война вызываетъ это ужасное и одновременное напряженіе души и въ частности воли, которое даетъ полную мѣру ея могущества и которую не найдешь ни въ какомъ другомъ проявленіи чело-вѣческой дѣятельности.

Содѣйствіе писателей.

Пока первые и очень удачные попытки генерала Вонпаля въ книгѣ „Духъ современной войны“ или полковника Гранардъа въ „Стратегической критикѣ франко-германской войны“ еще не распространились, офицеры запаса могли бы, по совѣту генерала Драгомирова, извлечь большую пользу изъ внимательнаго чтенія и тщательнаго изученія нѣкоторыхъ большихъ милитаристическихъ романовъ.

Толстой — въ „Войнѣ и мирѣ“, не взирая на замѣтный антимиитаризмъ, проявляетъ иногда удивительное знаніе военнаго дѣла, которое,

къ сожалѣнію, ступшевывается софизмами и на-мѣренными парадоксами. Слѣдовательно, эту книгу нужно читать только имѣя это въ виду; тогда изъ нея можно вынести много цѣнныхъ указаній.

Изъ романовъ вообще можно извлечь много полезнаго, даже изъ тѣхъ, которые какъ, „De-bacle“ написаны скорѣе затѣмъ, чтобы увеличить недостатки кирасы, чѣмъ заставить ее ярко блестять.

Скорострѣльная артиллерія въ сраженіи.

У артиллериста способъ сражаться не можетъ состоять, какъ у его товарищей пѣхотинца и кавалериста „въ борьбѣ съ всѣмъ пыломъ противъ непосредственнаго противника“. Невозможно примѣнить къ офицеру артиллеріи правила генерала Драгомирова.

„Если ты сталъ начальникомъ, имѣй твердую руку, давай разумныя приказанія и не командуй глупо: Впередъ, маршъ! объясни прежде, что слѣдуетъ дѣлать, чтобы каждый зналъ, куда онъ идетъ и почему, тогда поступленіе будетъ хорошимъ. Каждый солдатъ долженъ понимать свой маневръ“. Это только можетъ быть въ предварительныхъ маневрахъ: — во время сраженія батарея будетъ спрятана за хребтомъ и не увидитъ ничего, что произойдетъ на другой сторонѣ его и тѣмъ не менѣе она будетъ находиться подъ огнемъ вражеской артиллеріи.

Какое сильное довѣріе всего персонала, офицеровъ, унтеръ-офицеровъ, солдатъ, которые будутъ играть свою роль, и роль опасную, сзади плотной завѣсы, имѣя своего командира — единственную связь, обезпечивающею участие этой единицы въ общемъ дѣлѣ. Во время выѣзда на позицію, наводки орудій, а также во время стрѣльбы люди безъ сомнѣнія найдутъ занятія чтобы много не думать объ опасности, но передъ открытіемъ огня, гдѣ прислуга остается въ бездѣйствіи и въ особенности послѣ урагана, не предстанитъ ли затруднительнымъ поддержать и возвращать на мѣсто нервныхъ и робкихъ?

Для того, чтобы остаться на своемъ посту подъ прикрытiемъ холма, подъ градомъ пуль, противъ которыхъ чувствуешь себя безсильнымъ, нужна особая духовная сила.

И заключенiемъ будетъ фраза командира de Grandmaison.

„Каковъ бы ни былъ противникъ, человекъ въ сраженiи не имѣетъ другого врага, кромѣ страха“. Но такъ какъ начальники обыкновенно жертвовали своей жизнью, мы прибавимъ:

„У солдата врагъ — страхъ смерти; у офицера — боязнь отвѣтственности!“

